

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

Франклин Рузвельт*

<Фрагменты>

<...>

Как видим, для российского читателя жизненный и политический путь Франклина Рузвельта продолжает оставаться малоизвестным. Он предстает скорее в виде некой схемы, абстрактной фигуры, нежели живого человека, окруженного соратниками и врагами, любившего и любимого, ненавидевшего и ненавидимого, совершавшего благородные поступки и мелочного, самоотверженного и мстительного, тонкого аналитика и грубияна. К нему в полной мере относится тривиальное «ничто человеческое не чуждо». Френсис Перкинс, знавшая Рузвельта на протяжении нескольких десятилетий и являвшаяся министром в его правительстве, с полным основанием написала: «Он был наиболее сложным из всех знакомых мне людей».

Имея все это в виду, необходимо помнить то уникальное, что было присуще Рузвельту. Он был единственным крупным деятелем, который оказался в состоянии выйти на самые первые роли в своей стране и на международной арене, страдая неизлечимой болезнью — полиомиелитом, детским спинномозговым параличом, который поразил его уже в зрелом возрасте. Он был единственным президентом Соединенных Штатов, который избирался на этот пост четыре раза подряд, сохраняя доверие своего народа, которому свойственны весьма изменчивые настроения, и в годы преодоления Великой депрессии, и в период Второй мировой войны. Он был первым руководителем Соединенных

* Впервые: *Чернявский Г. И.* Франклин Рузвельт М.: Молодая гвардия, 2012. Печатается по этому изданию. С. 9–10, 346–419, 508–511. — *Примеч. сост.*

Штатов, который, осознав тогдашние реалии, повел свою страну по совершенно новому курсу. Именно этот курс в конечном итоге, через много лет после его кончины, привел к тому, что Америка, сохраняя фундаментальные основы рыночного общества, имела мощную систему социальной защиты граждан. Он был Верховным главнокомандующим вооруженными силами своей страны в условиях Второй мировой войны, когда вместе со своими союзниками, в первую очередь СССР, Великобританией, Китаем и другими странами США добились разгрома агрессивного блока и стали одним из учредителей послевоенной системы коллективной безопасности. Несмотря на холодную войну, разразившуюся вскоре после смерти Рузвельта, эта система оказалась настолько устойчивой, что смогла (правда, в условиях существования ядерной угрозы) предотвратить третью мировую войну.

<...>

Ленд-лиз, внешние и внутренние перипетии первого этапа войны

В декабре 1940 года, в промежутке между выборами и инаугурацией, Рузвельт позволил себе двухнедельный отпуск. Его яхта отправилась из Вашингтона по столичной реке Потомак в сторону океана. Затем президент с помощниками перешел на крейсер «Тускалуза» и совершил круиз по Карибскому морю и Мексиканскому заливу. Франклин расслаблялся, плавая в бассейне и принимая воздушные и солнечные ванны. Одновременно проводилась инспекция новых военных баз на Карибах, которые США получили в обмен на 50 эсминцев, переданных Великобритании.

Рузвельт, разумеется, поддерживал тесную связь с членами своего кабинета и аппаратом Белого дома, с центральными государственными учреждениями в федеральном округе Колумбия, как официально именуется центральная часть Вашингтона — собственно столица Соединенных Штатов, где расположены все общегосударственные законодательные, исполнительные и судебные учреждения. И главное — он мучительно размышлял над тем, как перевести свои многократные заявления о поддержке стран, подвергшихся агрессии, в реальную плоскость, прежде всего путем оказания помощи британцам.

Президента сопровождали в поездке Гопкинс, личный врач Макинтайр и адъютант, «папаша» Эдвин Уотсон — генерал-

майор, секретарь по составлению распорядка дня. Внешне эта поездка выглядела как заслуженный отдых после предвыборных баталий. Но на самом деле Рузвельт и Гопкинс в это время обдумывали важнейшие внешнеполитические и военные меры, которые следовало предпринять в условиях ухудшения мировой ситуации, связанного с войной в Европе, в Азии, на Атлантическом и Тихом океанах.

Президент постоянно напоминал себе о том, что перед поездкой, почти сразу после переизбрания, он заявил: «Великобритания получит половину всего производимого в США военного имущества». Вставал, однако, вопрос, как она будет расплачиваться за эти огромные материальные ценности.

Действовавший принцип «кэш энд кэрри» оказывался теперь не выполним. К этому времени британские военные заказали технику, боеприпасы, оборудование на пять миллиардов долларов, предстояли новые заказы, а казна была почти пуста, что в США было хорошо известно.

Как выйти из этого положения? Рузвельт мучительно обдумывал и обсуждал с Гопкинсом складывавшуюся ситуацию, запрашивал новые данные из Вашингтона, не видя возможности обойти существующее законодательство, но понимая, что его надо серьезным образом изменить.

В результате этих размышлений постепенно созрели принципиально новые идеи, которыми он делился только с наиболее близкими людьми, хотя отлично понимал, что, пока длятся колебания, война продолжает набирать обороты.

Определенную направленность раздумьям Рузвельта придало полученное на корабле послание Черчилля от 8 декабря, в котором тот сообщал о финансовом положении своей страны, стоявшей на краю банкротства и неспособной покупать у Америки средства ведения войны на основе принципа «плати и вези». Британский премьер писал: «Мы смогли выдержать разрушение наших домов и гибель нашего гражданского населения из-за не прекращавшихся воздушных атак (речь шла о массированных налетах германской авиации на Лондон и другие города Великобритании в 1940 году. — Г. Ч.); мы надеемся дать им соответствующий отпор по мере развития наших исследований и отплатить путем нанесения ударов на военные объекты в Германии, как только наши воздушные силы хотя бы приблизятся к силам врага». Решить эту задачу, однако, было невозможно из-за состояния

военно-торговых отношений с США. Сэр Уинстон продолжал: «Приближается момент, когда мы окажемся не в состоянии платить за доставку и все снабжение... Я полагаю, что Вы согласитесь с тем, что было бы неверно в принципе и привело бы к общему неблагоприятному положению, если бы на пике борьбы Великобритания была бы лишена стабильного снабжения, чтобы... мы были раздеты до костей. Такой курс не соответствовал бы морали и экономическим интересам обеих наших стран».

О том, какое решение было принято на корабле, стало известно на знаменитой пресс-конференции Рузвельта, проведенной 17 декабря, на следующий день после возвращения. Президент использовал простое, но весьма емкое сравнение, особенно близкое жителям «одноэтажной Америки», дорожившим своими домами и садовыми участками и готовым в случае необходимости оказать помощь соседу — разумеется, не в ущерб самим себе.

«Что я делаю в этом критическом положении? — вопрошал Рузвельт. — Я не говорю оказавшемуся в беде соседу перед тем, как дать ему садовый шланг для борьбы против огня: “Сосед, мой шланг стоит 15 долларов, ты должен заплатить мне за него 15 долларов. Мне не нужны эти 15 долларов, но я хочу, чтобы ты всего лишь возвратил мне садовый шланг после того, как потушишь пожар”».

Позже, когда США уже непосредственно вступили в войну, Э. Стеттиниус развил это сравнение: «Теперь притча о шланге приобрела уже всеобщий характер. Пожар постепенно распространился с дома на дом, пока не запылал уже весь город. В этой беде жители города объединили и усилия, и часть своего имущества ради победы над пожаром, понимая, что только в таком единстве их спасение. А у того человека, который некогда одолжил соседу шланг, теперь загорелся его собственный дом, и все соседи пришли ему на помощь».

Но еще раньше, на пресс-конференции 15 апреля 1941 года, Рузвельт позволил себе пошутить, используя все тот же образ — видно, самому ему понравившийся. Он прежде всего упомянул о «приятном совпадении» — в первый список товаров по ленд-лизу были включены садовые шланги. Журналисты недоуменно переглянулись. Как ни в чем не бывало Рузвельт сказал, что он оговорился, — речь идет о настоящих, мощных пожарных шлангах. Представители прессы дружно расхохотались.

Первая «беседа у камина» после избрания Рузвельта на третий срок, состоявшаяся 29 декабря 1940 года, еще до инаугурации,

носила нетривиальный характер и имела особое значение, которое подчеркивалось тем, что, в отличие от всех предыдущих, при ней присутствовали другие люди: мать президента, государственный секретарь Халл, а также популярный актер Кларк Гейбл с женой. Тем самым в круг участников беседы вводились ближайшие члены семьи, художественная элита, а главное — та часть администрации, которая непосредственно занималась международными делами. И посвящена была эта беседа тому, что США оказались перед лицом прямой военной угрозы и должны оказать помощь странам — жертвам агрессии.

Рузвельт предупреждал, что океаны, которыми, казалось бы, его страна отделена от остального мира, теперь не являются таким серьезным препятствием, как во времена парусного флота. США должны готовиться к войне и безусловно оказывать помощь тем народам, которые противостоят странам-агрессорам. Нельзя, заявлял президент, молчаливо согласиться с их поражением, нельзя ждать, «когда наступит наша очередь стать объектом нападения».

Этим выступлением Рузвельт фактически подготавливал почву для отмены закона о нейтралитете и введения законодательства, предоставлявшего США возможность оказывать военную помощь своим союзникам. В этот день впервые прозвучали слова: «Соединенные Штаты должны стать военным арсеналом для всей мировой демократии. Для нас это неотложная и важная задача. Мы должны взяться за дело так же решительно и споро, с таким же патриотизмом и самопожертвованием, как если бы сами были в состоянии войны».

Формула «арсенал демократии», которая затем стала звучать как «арсенал демократий», то есть снабжение оружием не каких-то абстрактных демократических сил, а демократических стран, означала, что Соединенные Штаты будут оказывать помощь тем государствам, которые ведут войну против сил крайней реакции — агрессивного союза Берлин — Рим — Токио, причем эта помощь будет не только непосредственно военной, но включит в себя также все другие средства, от которых зависит победа в войне: продовольствие, снаряжение и т. д. В то же время она констатировала, что американские солдаты и матросы, по крайней мере в ближайшем будущем, не будут непосредственно участвовать в войне, отдавая свои жизни на полях сражений. Формула «арсенала демократии» в полной мере устраивала основную

часть населения страны, которая сочувствовала жертвам агрессии и стремилась оказать им поддержку, не прибегая, однако, к крайнему средству — прямому вмешательству в войну. Этот курс также отвечал интересам деловых кругов, видевших в нем возможности для расширения производства и всей хозяйственной активности на базе гарантированных государственных заказов.

О том, кто именно является главным союзником США, Рузвельт высказался со всей определенностью: «Мы предоставим британцам большую материальную помощь и в будущем сделаем в этом направлении еще намного больше. Никакие преграды не заставят нас от этого отказаться. Пусть диктаторы угрожают истолковать нашу позицию каким-то неблагоприятным для нас образом — ничто не ослабит нашей решимости помогать Великобритании».

Однако ограничиваться только помощью Великобритании, а также другим странам, ставшим жертвами агрессии, Рузвельт не собирался. Несмотря на заверения в том, что американские парни не будут воевать на чужих территориях, он отлично понимал, что в конце концов это произойдет, и в не слишком отдаленном будущем. Он не очень верил в возможность прямого нападения на США, хотя не исключал воздушных и морских атак с промежуточных рубежей. Преимущественное внимание уделялось Атлантике, где было вполне вероятным столкновение с германским флотом. Но нельзя было исключать того, что США будут втянуты в войну и на Тихом океане против Японии, которая прибирала к своим рукам континентальные территории и острова, являвшиеся колониями европейских держав, под фальшивым лозунгом создания «Великой восточно-азиатской сферы взаимного процветания». Постепенно из-за действий японских властей преимущественное внимание стало уделяться именно Тихоокеанскому региону, хотя президентская администрация по-прежнему считала, что судьба войны будет решаться на Европейском континенте. Дело в том, что американцам удалось расшифровать секретные коды японцев и на стол Рузвельта ложились документы японских политических кругов и высшего военного командования. В этих кругах шла борьба между сторонниками северного (против СССР) и южного направления, причем постепенно преимущество оказывалось у приверженцев второго варианта — продолжения агрессии против Китая и распространения ее на азиатские колонии Великобритании,

Франции, Голландии, тихоокеанские владения этих стран и, что было особенно важно, территории, принадлежавшие США.

Главными среди них были Филиппины — бывшая колония США, которой в 1934 году была предоставлена автономия, и Гавайский архипелаг, в 1898 году аннексированный США, а в 1900-м получивший статус американской самоуправляемой территории (промежуточный между колонией и равноправным штатом). Еще с конца XIX века гавань Пёрл-Харбор («Жемчужная бухта») на Гавайях являлась основной базой американского флота на Тихом океане. Соединенным Штатам принадлежали также стратегически важные остров Гуам (в группе Марианских островов) и атолл Мидуэй (в западной группе Гавайского архипелага). Остров Гуадалканал (Соломоновы острова) являлся колонией Великобритании, но рассматривался американцами в качестве важнейшей стратегической позиции на Тихом океане.

Несколько активизируя деятельность в Юго-Восточной Азии, Рузвельт объявил, что США отказываются признать завоевания Японии в Китае, и провел через конгресс кредит китайскому правительству Чан Кайши в сумме 200 миллионов долларов. К китайским портам, остававшимся в руках правительства Чан Кайши, направились суда с вооружением и стратегическими материалами. Вслед за этим по распоряжению Рузвельта была быстрыми темпами сооружена «бирманская дорога», по которой военные грузы в Китай везли на американских грузовиках, доставленных морем на территорию Бирмы, являвшейся британской колонией (в 1948 году получила независимость, с 1989-го называется Мьянма).

В связи с гитлеровской оккупацией Нидерландов Голландская Ост-Индия (нынешняя Индонезия) оказалась «бесхозной» и Япония стала принимать меры, чтобы заполучить это «наследие». В ответ по распоряжению Рузвельта большая группа только что построенных американских кораблей была направлена на Гавайи, что в высших кругах Страны восходящего солнца было воспринято как намерение противостоять ее дальнейшей экспансии.

И тем не менее Рузвельт все еще не отказывался от надежд на урегулирование отношений с Японией, чтобы сосредоточить основные американские силы на рубежах, максимально приближенных к Европе. Выдвигались и отвергались планы создания американских баз на Африканском континенте, в частности на мысе, наиболее выдвинутом к западу, где располагался фран-

цузский флот, пока еще находившийся в руках марионеточного, но сохранявшего внешние атрибуты самостоятельности правительства Виши во главе с престарелым маршалом Анри Филиппом Петеном. В Дакаре (современный Сенегал) было открыто американское консульство. Но ни на какое дальнейшее сближение с США гитлеровские слуги из Южной Франции идти не желали, послушно выполняя распоряжения фюрера.

Что же касается планов «арсенала демократий», то здесь вперед выходили заботы о сохранении Великобритании. Рузвельт и его окружение до поздней весны 1941 года не могли представить себе, что Гитлер решится вести войну одновременно на Западе и Востоке. Высказывалось предположение, что прекращение массированных бомбардировок Лондона и других британских городов — это лишь преддверие вторжения германских армий на Британские острова. Падение их могло означать, что война переместится в пределы, которые Рузвельт считал зоной непосредственной обороны своей страны.

С его точки зрения, было необходимо оказать стране, которая фактически являлась союзником США, такую помощь, которая позволила бы ей продолжать войну. Но одно дело — личные намерения, совершенно другое — реальные действия, которые можно было предпринять только с санкции конгресса, тем более в год президентских выборов. Большое влияние на Рузвельта оказывали страстные призывы Черчилля, который через пять дней после назначения премьер-министром написал ему: «Голос и силы Соединенных Штатов могут потерять всякий вес, если они будут воздерживаться слишком долго». Сэр Уинстон считал необходимым, чтобы США объявили, что они будут оказывать Британии всяческую помощь, за исключением прямого участия в военных действиях.

Дело было не только в необходимости отражения воздушных атак неприятеля. В мае 1940 года британская армия понесла на территории Франции тяжелый урон. При эвакуации из Дюнкерка было потеряно все вооружение, затонули десять эсминцев, несколько десятков английских кораблей потоплены немецкими подводными лодками в океане. Черчилль, описывая высокому американскому корреспонденту сложившееся положение, не жалел черной краски, и у того сложилось представление, что Великобритания стояла на краю пропасти. По словам премьера, для ее спасения немедленно требовались 50 эсминцев, которые могли бы восполнить образовавшуюся во флоте брешь.

Для того чтобы преодолеть сопротивление законодателей, в августе было решено, что за передаваемые корабли США получают восемь британских военно-морских баз в Атлантике (на Ньюфаундленде, Бермудских островах, Багамах и т. д.). Это была лишь формальная уступка, совершенная к тому же в обход конгресса, но последний счел ее достаточной, и 50 эсминцев направились на помощь фактическому союзнику. По общему признанию, устаревшие корабли существенной роли в военных операциях сыграть не могли. Важно другое — это была первая открытая материальная помощь Великобритании, за которой, как все уже понимали, должна была последовать значительно более мощная поддержка. Тенденция важнее фактов, гласит американская поговорка.

Новые действия президента по дальнейшему вовлечению в войну были предприняты весной 1941 года в связи с захватом Германией и Италией Югославии и Греции. 10 мая Рузвельт запросил у конгресса дополнительные ассигнования на создание полумиллионной армии. Выступая 31 мая в Белом доме, президент объявил, что только что подписал воззвание о введении неограниченного чрезвычайного положения, предусматривавшего «укрепление нашей обороноспособности до такой степени, какую позволяют наша мощь и власть».

Ранее — 10 февраля палатой представителей, а 11 марта сенатом — был принят Закон об обеспечении защиты Соединенных Штатов, который называли также законом о передаче вооружения, боеприпасов, продовольствия и любых других материалов в аренду или займы тем странам, оборона которых представляет жизненную важность для США. Законопроект получил, как считали, счастливый входящий номер 1776, совпадающий с годом провозглашения Декларации независимости Североамериканских Соединенных Штатов.

Слова о «жизненной важности» были ключевыми. «Принять законопроект с такой формулировкой означало признать единение нашей страны с другими свободлюбивыми странами перед лицом агрессивных государств оси (линии, соединявшей Берлин, Рим и Токио. — Г. Ч.), признать, что наша самая большая надежда состоит в том, чтобы удалось соединить нашу силу с силой наших друзей», — писал Э. Стеттиниус.

Правда, в конгрессе в текст документа были внесены некоторые изменения, оговаривавшие сферу его применения (главным

из них было ограничение срока двумя годами — до 30 июня 1943-го, но позже действие закона продлевалось), однако исключительно важным был сам факт его принятия. Рузвельт не скрывал раздражения, слыша обвинения «в диктатуре», «подрыве американской обороны» и т. п. Заявление одного из оппонентов, что закон «загубит четверть всех американских парней», он назвал «самым гнусным публичным высказыванием при жизни моего поколения».

Начальная сумма помощи была определена в семь миллиардов долларов. Всего же за годы войны расходы по этому закону составили огромную сумму — свыше 50 миллиардов, из которых 31 миллиард приходился на Великобританию, а 11 — на СССР; остальная сумма была израсходована на помощь Китаю, а также Франции на заключительном этапе войны и некоторым другим странам.

Так появился знаменитый закон о ленд-лизе, явившийся предпосылкой практического воплощения в жизнь лозунга «арсенал демократий». Вначале он проводился существовавшими ведомствами под общим наблюдением Г. Гопкинса и самого президента. Несколько позже оказалось, что осуществление ленд-лиза требует специального органа. В октябре 1941 года Рузвельт подписал распоряжение о создании управления по осуществлению закона. Начальником его, с ежегодным окладом в десять тысяч долларов, стал Эдвард Стеттиниус и занимал этот пост до 1943-го, когда стал заместителем госсекретаря.

Рузвельт был удовлетворен тем, насколько быстро был подготовлен текст законопроекта, собраны необходимые резолюции, проведено обсуждение в комитетах палаты представителей и сената и утверждение закона обеими палатами. Умудренный многолетним опытом, он понимал, что в иных условиях принятие такого основополагающего акта потребовало бы во много раз больше времени.

Стеттиниус тогда думал иначе, но позже изменил свою позицию. Он писал в мемуарах: «Теперь я, кажется, понял, в чем было дело. В демократических странах недостаточно просто поддержки большинства для быстрых и решительных действий по защите страны от опасности. В такое время необходимо сплочение народа и нельзя допускать резкий раскол в обществе». В отличие от него Рузвельт хорошо сознавал необходимость сплочения нации и прилагал все силы для его обеспечения, даже в чрезвычайных условиях.

Пятнадцатого марта на встрече в Белом доме с членами Корреспондентской ассоциации Рузвельт подвел итоги: «Пусть диктаторы Европы и Азии сомневаются в нашей сплоченности. В нашем демократическом обществе решения, может быть, принимаются медленно, но когда они приняты, то это решения не одного человека, а ста тридцати миллионов».

Теперь, когда акт о ленд-лизе был проведен через органы власти с рекордной скоростью, Рузвельт мог позволить себе рассуждения о «медленном принятии» законов. Экспансивная Ф. Перкинс считала, что идея о ленд-лизе пришла в голову Рузвельту внезапно, чуть ли не по божественному наитию. По ее словам, у президента произошла «вспышка ясновидящего знания и восприятия». Если Рузвельт именно так рассказывал близким о возникновении этой идеи, то это был розыгрыш. На самом деле обдумывались и взвешивались самые разные варианты, ни один из которых не был пригодным в полной мере, и постепенно из их элементов сложилось решение.

Что же представлял собой ленд-лиз? Закон гласил, что поставленные материалы (машины, различная военная техника, оружие, сырье, продовольствие и т. д.), уничтоженные, утраченные и выработавшие ресурс вовремя войны, оплате не подлежат, а имущество, после окончания войны пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов). Одна из статей предусматривала, в случае заинтересованности американской стороны, возвращение не разрушенных техники и оборудования.

В советской историографии обычно утверждалось, что размер помощи СССР по ленд-лизу был довольно мал — всего около четырех процентов средств, затраченных страной на войну, а техника поставлялась в основном устаревших моделей.

При этом с подачи члена Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского на США лились потоки грязи. Председатель Госплана Вознесенский утверждал: «Ожиревший на народной крови в период Второй мировой войны монополистический капитализм Соединенных Штатов Америки... теперь стоит во главе империалистического и антидемократического лагеря и стал застрельщиком империалистической экспансии во всех частях света». В то же время, как в 1963 году доносили спецслужбы, маршал Г. К. Жуков в частных разговорах признавал: «Вот сейчас говорят, что

союзники никогда нам не помогали... Но ведь нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы и не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было, чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом, взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталию? А сейчас представляют дело так, что у нас все это было свое в изобилии».

На Западе, наоборот, обычно указывалось, что победа над Германией была определена западным оружием и Советский Союз без ленд-лиза не устоял бы. В наше время в странах, образовавшихся на месте бывшего СССР, отношение к помощи союзников изменилось — признается важное значение не только поставок вооружения, военных материалов, продовольствия по ряду наименований, но и получения информации о новых образцах оружия и промышленного оборудования. Исследовавший этот вопрос Б. В. Соколов сделал вывод, что «без западных поставок Советский Союз не только не смог бы выиграть Великую Отечественную войну, но даже... противостоять германскому вторжению, не будучи в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючими боеприпасами».

Соколов и другие авторы отмечают, что эту зависимость хорошо понимало советское руководство уже в начале войны. Направленный в СССР специальный посланник Рузвельта Г. Гопкинс сообщал 31 июля 1941 года, что Сталин полагал невозможным без американской помощи устоять против Германии, располагавшей ресурсами оккупированной Европы.

Рузвельт же еще в октябре 1940-го, объявляя о своем решении разрешить военному ведомству предоставлять излишнее вооружение и снаряжение, а также стратегические материалы и промышленное оборудование тем странам, которые могут защищать американские национальные интересы, допускал включение в число этих стран Советского Союза.

Вначале в осуществлении программы ленд-лиза было немало путаницы, бюрократической суеты и произвола. Зарубежные и внутренние «толкачи», так или иначе лично заинтересованные тех или иных видах поставок, а подчас просто коррумпированные, дискредитировали ее. Поэтому в конце 1941 года по рас-

поряжению Рузвельта была введена четкая система распределения. Правительство страны, включенной в список получателей американской продукции, обращалось к правительству США с конкретной заявкой — с перечнем товаров и указанием их количества. Вслед за этим проводилась «проверка на соответствие ленд-лизу»: в самом ли деле запрашиваемые материалы необходимы для военных нужд, в достаточном ли количестве они имеются в США и действительно ли полезнее для общего дела отправить их союзнику, нежели оставить для внутреннего использования. Если получатель обладал достаточным долларовым фондом, он оплачивал поставки наличными, если же нет — материалы передавались как можно быстрее, а возмещение откладывалось на послевоенный период.

Закон о ленд-лизе был новым важным шагом на пути непосредственного вовлечения США в мировую войну. О том, что этот момент приближался, свидетельствовало и образование президентом не предусмотренного конституцией органа — военного кабинета в составе пяти человек — военного министра Стимсона, военно-морского министра Нокса, министра финансов Моргантау, государственного секретаря Халла и неизменного Гопкинса как руководителя программы ленд-лиза.

Третьего апреля 1941 года после жарких споров Рузвельт отдал распоряжение перевести три линкора, авианосец и четыре крейсера из Тихого океана в Атлантический для эскортирования караванов судов, начавших перевозку военной техники и других материалов в Великобританию. Вскоре американские войска были отправлены в Исландию. Рузвельт отдал приказ топить германские подводные лодки везде, где они будут обнаружены, даже если они не будут проявлять враждебные намерения. Фактически США начали необъявленную войну. Рузвельт дал понять, что основное внимание его правительства вновь обращено на Атлантику и Европейский континент, а тихоокеанские проблемы, оставаясь важными, отходят на второй план. Эта оценка вроде бы подкреплялась согласием правительства Японии на переговоры с США.

Правда, совершенно об ином свидетельствовал подписанный 13 апреля 1941 года в Москве договор о нейтралитете между Японией и СССР. Однако американский президент считал, что договор является лишь отвлекающим маневром и японцы все же предпочтут агрессию в северном направлении, где их вооружен-

ные силы надолго увязнут в военном столкновении с Советским Союзом, если не получат весомой помощи от Германии — своего главного союзника по Тройственному пакту, подписанному 27 сентября 1940 года.

Вскоре Соединенным Штатам пришлось сполна расплачиваться за этот просчет. Конечно, какая-то часть информации, поступавшей в Белый дом, трактовалась в духе, соответствующем предположениям и даже пожеланиям президента, и упреки в его адрес были отчасти заслуженными. Но в оправдание Рузвельта можно сказать, что в то время было еще крайне трудно определить действительные намерения Японии, а европейский и атлантический театры военных действий являлись главными в определении судеб мира.

С обоснованием новых мер президент выступил 27 мая 1941 года в очередной «беседе у камина». Было важно, чтобы его инициативы поддержали граждане США. Поэтому президент акцентировал внимание не на абстрактных принципах гуманности и демократии, а на «разумном эгоизме» — прямой заинтересованности американцев: «Вся наша программа помощи демократическим странам основана на трезвом расчете — на заботе о нашей собственной безопасности и желании защитить тот цивилизованный мир, в котором мы хотели бы жить. Каждый доллар, который мы тратим, посылая военное снаряжение другим, помогает не допустить диктаторов в наше полушарие и тем самым выиграть время, чтобы произвести больше пушек, танков, самолетов и кораблей. Мы совершенно не пытаемся скрыть, что, предоставляя помощь, преследуем свои интересы. Великобритания это известно, понимает это и нацистская Германия».

Рузвельт объявил, что поставки в Британию грузов, в которых она нуждается, — дело первостепенной важности для самих Соединенных Штатов. Одновременно выступление содержало обращение к соседям: «Всем странам Американского континента — двадцати республикам и Канаде — я заявляю: Соединенные Штаты не просто декларируют цели общей обороны, но уже сегодня активно заняты их осуществлением». Далекое не всем в Латинской Америке нравились такого рода высказывания — в этих странах весьма активно действовала нацистская агентура, опиравшаяся главным образом на «фольксдойче» — этнических немцев, часть которых превратилась в подлинную «пятую

колонну» нацистского рейха. Но не считаться с волеизъявлением могучего северного соседа власти этих стран не могли. В конце беседы прозвучало главное: «Мы подтверждаем свою неизменную веру в жизнеспособность нашей конституционной республики как оплота свободы, терпимости и приверженности слову Божьему! Во исполнение этого, глубоко осознавая ответственность, которую я несу перед моими соотечественниками за будущее нашей страны, я сегодня объявил о введении на всей территории страны чрезвычайного положения и потребовал всемерного укрепления обороны с использованием всех возможностей».

Введение чрезвычайного положения означало, что президент считает войну неминуемой. По данным опросов, это выступление слушали по радио около шестидесяти пяти миллионов американцев. В следующие дни в Белый дом шел поток телеграмм с одобрением действий Рузвельта. Он начинал выигрывать внутреннюю битву — против изоляционизма. Рузвельт внимательно следил за политикой СССР, за курсом Сталина. Он понимал, что между двумя тоталитарными режимами существует некое тайное соглашение, положения которого реализовывались в процессе раздела территории Польши, присоединения к СССР Литвы, Латвии и Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины, советско-финской войны. Предполагая, что союз Гитлера и Сталина может оказаться недолговечным, Рузвельт был осторожен в публичных оценках действий СССР, одновременно давая указания членам своей администрации демонстрировать, что США решительно не одобряют экспансионистскую политику. Но в меморандуме, адресованном Халлу, он предложил Госдепартаменту реагировать на каждый советский демарш против американских дипломатов и других лиц подобным же или еще более резким образом.

Случай представился почти сразу. В СССР был задержан американский врач, скрывший от таможенного досмотра часть своего багажа. Через несколько дней американские власти задержали в Панамском канале советское торговое судно под предлогом, что не все члены его команды имели должным образом оформленные свидетельства о состоянии здоровья. Вслед за этим в Москве якобы по техническим причинам перестал работать канал телефонной связи американского посольства с США, и дипломатам, чтобы позвонить, приходилось отправляться на Центральный телеграф. На этот раз по распоряжению Рузвельта аналогичные меры предприняты не были, но посольство

СССР было предупреждено, что они последуют, если советские власти не изменят своего поведения. Соответствующие распоряжения, видимо, по указанию Сталина, были сделаны, и взаимоотношения несколько нормализовались. В то же время в кругу американских дипломатов в Москве возникло подозрение, что кто-то в посольстве является советским шпионом, так как поступали сведения об утечке секретной информации. Спецслужбы обратились к Рузвельту с просьбой включить в состав посольства тайных агентов — разумеется, под видом дипломатов, — чтобы провести расследование. Президент не только дал согласие, но и потребовал, чтобы его держали в курсе дела. Вскоре выяснилось, что несколько сотрудников посольства состояли в связи с русскими дамами легкого поведения, которые на самом деле являлись агентами Разведывательного управления Генштаба Красной армии, отлично владевшими английским языком, хотя и притворявшимися, что не понимают ни слова. Во время интимных вечеров дипломаты позволяли себе комментировать поступающие в посольство инструкции и другие документы, а девицы все тщательно запоминали. Виновные были отозваны на родину, а остальные строго предупреждены о необходимости повышенной бдительности. Рузвельт, поставленный в известность об этой некрасивой истории, распорядился, чтобы проштрафившихся наказали только в дисциплинарном порядке.

Этот инцидент показывает, что Рузвельт пошел на меры, которые ранее никогда не практиковались США — в посольство для слежки за его работниками были внедрены сотрудники Федерального бюро расследований (ФБР), ведавшего охраной внутренней безопасности страны. Для Рузвельта, демократа не только по партийной принадлежности, но и по убеждениям, это был крайний шаг, свидетельствующий об оценке им международной ситуации как крайне опасной. Столь же чрезвычайные меры, по его мнению, необходимо было принимать и на родине. ФБР под руководством весьма энергичного и волевого директора Гувера стремилось прибрать к рукам как можно больше власти.

Эдгар Гувер (1895—1972) занимал пост директора ФБР на протяжении почти полувека, с 1924 года до самой смерти. Возглавив Бюро расследований (в 1935 году переименованное в ФБР) в 29 лет, он пережил на этом посту Великую депрессию, реформы Рузвельта, Вторую мировую войну, первые этапы холодной войны, войну в Корее, оставаясь одной из самых влиятельных фигур

в США. Отмечая заслуги Гувера перед страной, многие политики обвиняли его в злоупотреблениях полномочиями. Неоднозначное отношение к Гуверу и необычайная продолжительность его пребывания в должности стали причиной того, что после него максимальный срок работы директоров ФБР был ограничен десятью годами. Во время выхода из Великой депрессии, при проведении «Нового курса» Рузвельт не допускал расширения полномочий ФБР, директор которого неоднократно направлял ему доклады, требуя введения новых мер преследования внутренних врагов. Однако с началом Второй мировой войны и приближением прямого вступления в нее Соединенных Штатов действительно необходимо было принять меры против «пятой колонны», которая не была столь мощной, как об этом сообщал Гувер, но реально существовала. Правда, гитлеровцам не удалось создать на территории США значительной подрывной сети — за военные годы удалось арестовать всего восемь германских агентов, готовивших акты саботажа. Гувер получил указание посылать в Белый дом ежедневные рапорты о подрывных действиях, прежде всего со стороны нацистов и коммунистов. Исполнительный и жесткий чиновник воспринял его своеобразно — в рапортах президенту сосредоточил основное внимание именно на деятельности левых, за которыми теперь устанавливалось тщательное наблюдение. Он докладывал Рузвельту, что КПП буквально наводнен коммунистами. В их числе был назван даже Уолтер Рейтер — молодой профсоюзный активист, не только не являвшийся коммунистом, но и негативно относившийся и к Компартии, и к марксистской доктрине. Такого рода сведения оказывали определенное влияние на решения президента, хотя, зная убеждения Гувера и его характер, он доверял им не полностью.

Сходную информацию Рузвельт получил и о гениальном физике Альберте Эйнштейне. Гувер сообщал: «Благодаря своим радикальным взглядам профессор Эйнштейн не может считаться пригодным для использования в секретных работах, ибо кажется маловероятным, чтобы такого склада человек за столь короткое время стал вполне благонадежным американским гражданином». В данном случае Рузвельт доверился ФБР, и Эйнштейн, инициатор начала американских работ по созданию атомного оружия, к практической деятельности в этой области так и не был допущен. Именно в такой обстановке двойной угрозы со стороны коммунистов и нацистов, значительно преувеличенной в докла-

дах Гувера, 28 июня 1940 года Рузвельт подписал закон о регистрации иностранцев (его автором являлся конгрессмен от штата Вирджиния Говард Смит). Согласно этому акту 4,7 миллиона иностранцев старше четырнадцати лет, постоянно проживавших в США, подлежали регистрации со снятием отпечатков пальцев. На них не распространялось американское законодательство о свободе слова: каждому из них грозили штраф или тюремное заключение за устные или печатные заявления, которые могли бы нанести вред вооруженным силам США, при этом судам давалась возможность самой широкой трактовки таких заявлений.

Некоторые деятели, например упоминавшийся Норман Томас, призывали президента наложить вето на этот закон, а также воспрепятствовать другим шагам администрации, в частности призыву на военную службу в мирное время, утверждая, что эти меры ведут к превращению США в тоталитарное государство. Однако таким советам Рузвельт не последовал, а возражения против военной подготовки в ответном письме Томасу просто высмеял.

Разумеется, закон Смита не вел к установлению в США тоталитаризма, как утверждал не только Томас, но и некоторые другие деятели. Но он действительно ограничивал американские свободы, что сам Рузвельт признал в письме Томасу от 9 ноября 1940 года. К счастью, традиции свободы слова в США были настолько прочны, что до окончания Второй мировой войны состоялись только два судебных процесса, на которых были предъявлены обвинения по этому закону (в 1941 году перед судом предстали сторонники Троцкого, получившие в результате незначительные сроки заключения, а в 1944-м процесс по делу предполагаемых нацистов был прерван за отсутствием у суда доказательств их вины). Правда, в июле 1942 года состоялся военный суд над несколькими германскими диверсантами, которые были высажены с подводной лодки во Флориде, затем отправлены в Нью-Йорк и Чикаго, где и были схвачены следившими за ними агентами ФБР. Рузвельт внимательно наблюдал за ходом процесса, в результате которого обвиняемые были приговорены к длительным срокам заключения.

Сам Рузвельт рассматривал закон Смита как не столько карательный, сколько предупредительный механизм, что и реализовывалось в судебной практике. В определенной степени с законом Смита и в целом с подозрительным отношением в США к иностранцам было связано нежелание Рузвельта жертвовать

своими политическими интересами, популистскими амбициями в то время, когда резко обострилась проблема приема в США европейских евреев, которым угрожала гибель от рук нацистов. Приемом иммигрантов из Европы занимались два органа — образованный в 1938 году при президенте совещательный комитет по делам политических беженцев и соответствующий отдел Государственного департамента. Если администрация президента занимала уклончивую позицию по отношению к «незаконному» допуску тех, кто, оказавшись в чрезвычайных обстоятельствах, стремился попасть в США, то Госдеп был в этом вопросе совершенно непреклонен. Столкновение чиновников произошло во второй половине сентября 1940 года, когда в порт Норфолк (штат Вирджиния), являвшийся основной военно-морской базой США, вошел американский пассажирский пароход «Квэнза», на борту которого находились около двухсот евреев, бежавших из Германии в Португалию и теперь пытавшихся переправиться в Америку. Большинство из них смогло получить визы в Лиссабоне, но свыше восьмидесяти человек (в основном женщины с малолетними детьми) на свой страх и риск погрузились на корабль без виз.

Член совещательного комитета Патрик Малин отправился в Норфолк, чтобы оформить их прием — в данном случае президент явно проявил чувство сострадания. Однако руководитель отдела по делам беженцев Госдепа Брекенридж Лонг, известный своими консервативными убеждениями, потребовал полного соблюдения законности. За этим требованием явно скрывались антисемитские чувства. Лонг писал в своем дневнике: «Общий тип (пассажиров судна. — Г. Ч.) был точно таким, как те еврейские преступники, которые переполняют камеры в судах Нью-Йорка и которые никогда не станут хотя бы умеренно достойными американскими гражданами».

В результате усилий Малина, а также местных адвокатов Якоба и Салли Моркевиц в конце концов все остававшиеся на борту пассажиры «Квэнзы» получили разрешение остаться в Америке. Это, однако, был единичный случай. Выше уже шла речь о двойственном отношении президента к этой сложной проблеме, в частности о размерах квоты на прием еврейских беженцев. Но тогда вопрос казался Рузвельту абстрактным, теперь же он оборачивался практической стороной, касающейся жизни и смерти даже не тысяч, а миллионов конкретных людей.

Президент, стремившийся продемонстрировать, что он чутко прислушивается к «гласу народа», по существу, пошел на поводу у деятелей, подобных Б. Лонгу, которые не только требовали от американских дипломатических служб за рубежом точного соблюдения формальностей, в частности в отношении квоты, но и сознательно затягивали решение вопроса о выдаче виз, действуя по принципу, известному еще древним римлянам: «Спешите медленно».

Британские и американские секретные службы доносили главам своих правительств, что в оккупированных странах Европы началось массовое уничтожение еврейского населения. Черчилль в августе 1941 года заявил, что германские войска в буквальном смысле слова уничтожают сотни тысяч людей: «Мы присутствуем при таком преступлении, которому нет даже названия». Однако задачи спасения конкретных людей отступали перед глобальными военно-политическими проблемами.

Летом 1942 года бывший польский дипломат Ян Карский, нелегально побывавший в Варшаве, собственными глазами видел, как постепенно, но неуклонно уничтожаются узники гетто. Оказавшись в США, он в июле 1943 года рассказал об этом Рузвельту, но услышал в ответ: «Дайте нам выиграть войну, и мы накажем всех виновных».

Рузвельт не предпринял никаких действий, чтобы путем расширения квоты дать убежище в США основной массе жертв нацизма. Правда, по его распоряжению был составлен список наиболее известных интеллектуалов и политических деятелей, включавший фамилий. Но Госдепартамент, фактически саботируя указание президента, сократил список до сорока человек, которым и были предоставлены визы. А перевод Рузвельтом по просьбе кого-то из близких 240 долларов, чтобы покрыть расходы на перевоз в США детей одной-единственной семьи Клейн, в то время как миллионы женщин и детей были обречены на гибель в оккупированной Европе, и вовсе выглядел издевательством над несчастными.

Остались без последствий сделанные по поручению Рузвельта отзывы экспертов о возможности размещения беженцев на принадлежавших США Виргинских островах, а также в Британской Гвиане. В конце концов президент пришел к выводу, что «не может сделать ничего, что причинило бы вред будущему нынешних американских граждан», имея в виду, что значительно более образованные беженцы будут претендовать на рабочие места.

Несколько лет назад, уже после выхода в серии «Жизнь замечательных людей» биографии Л. Д. Троцкого, автором которой я являюсь, мне удалось обнаружить документы, свидетельствующие о том, что после убийства Троцкого в Мехико в августе 1940 года его вдова просила американские власти о предоставлении убежища ей и пятнадцатилетнему внуку Троцкого Севе Волкову. С личным письмом по этому поводу к Рузвельту обратился находившийся в США немецкий писатель Эмиль Людвиг, который незадолго перед этим выпустил комплиментарную книгу об американском президенте. Людвиг сообщал, что вдова Троцкого находится под постоянной угрозой покушения на нее со стороны как правых экстремистов, так и сталинских агентов, что она не принадлежит ни к какой партии и собирается в США заниматься архивом мужа, незадолго до его гибели проданным Гарвардскому университету. Одиннадцатого февраля 1941 года Рузвельт отделался ничего не значившим вежливым письмом, по существу отказом: «Я не сомневаюсь, что миссис Троцкая полностью стоит вне политики (как раз это было неверно — Н. И. Седова была активной участницей так называемого IV Интернационала, основанного на идеях Троцкого. — Г. Ч.), но публика в течение ближайших года или двух на этот факт внимания не обратит. Более того, если ГПУ будет преследовать внука, оно, вероятно, найдет его здесь, как и в любом другом месте. Я склонен думать, что она и мальчик были бы в большей безопасности в каком-нибудь сравнительно маленьком городе или деревне в Мексике, чем в другом месте». В результате во въезде в США Седовой было отказано.

В самый канун нападения Германии на СССР, 21 июня 1941 года, в Белом доме произошло печальное событие — у Маргарет Лихэнд, работавшей с Рузвельтом с 1921 года, произошло кровоизлияние в мозг.

Впечатлительная женщина, которая посвятила всю жизнь своему кумиру, обожала его и гордилась близостью к тому, кто ведет за собой нацию (она часто с гордостью рассказывала, например, что во время автомобильных поездок занимает место рядом с шефом), почему-то почувствовала уколы ревности. У нее возникло это мучительное чувство, когда иммигрировавшая в США норвежская принцесса Марта была приглашена жить в Белом доме и стала выполнять некоторые поручения Рузвельта. Мисси подумала, что Марта может оказаться на ее месте и в качестве

секретаря, и как друг и собеседник, и даже как любовница. Многие из тех, кто был вхож в Белый дом, полагали, что ее опасения были напрасными, но скорее всего именно связанный с ними стресс привел к внезапному инсульту.

Мисси была помещена в военно-морской госпиталь, затем ее лечили в Уорм-Спрингс. Франклин несколько раз посещал бывшую соратницу, пытался развлечь и успокоить, однако, будучи занят государственными делами, вскоре почти позабыл о судьбе Мисси, хотя исправно оплачивал все ее медицинские счета. Такова уж была натура Рузвельта — он был человеком дела, жил напряженной жизнью нынешнего и завтрашнего дня всей страны, ему было не до сантиментов, не до чувств одинокой несчастной женщины.

Помощники президента отмечали его отстраненность от близких людей, усиливавшуюся с годами пребывания на высшем государственном посту. Г. Икес с горечью писал: «Несмотря на то что он, как всегда, был приятен и дружественно настроен, он был внутренне холоден, как лед... Мисси, находившаяся в отчаянной ситуации уже несколько недель, для него потеряна».

Последние годы жизни Мисси, ставшая глубоким инвалидом, провела в доме своей сестры и скончалась в июле 1944 года. Ее память почтила на похоронах Элеонора Рузвельт, но президент, занятый государственными делами, не выкроил время, чтобы сказать ей последнее слово. Когда вскрыли завещание Мисси, оказалось, что она оставила мебель в своей комнате в Белом доме второму личному секретарю президента Грейс Тулли. Другого имущества у нее не было...

Можно ли осуждать Рузвельта за его поведение в этом и некоторых других подобных случаях? Вероятно. Но при этом следует помнить об огромной нагрузке, которая выкачивала не только умственные, но и душевные силы, лишала государственного деятеля простых человеческих эмоций. За пост главы великой державы приходилось платить высокую, хотя и малозаметную для посторонних глаз цену.

Вступление в союз с СССР. Атлантическая хартия

Была глубокая ночь на воскресенье 22 июня (разница во времени между Москвой и Вашингтоном составляет восемь часов), когда в США из речи В. М. Молотова по радио узнали о нападении

Германии на СССР. Президент, получив утром это сообщение, попросил оставить его одного и несколько часов размышлял о том, как следует себя повести.

В предыдущие два года ни одной «беседой у камина», ни одним заявлением на пресс-конференции или другим выступлением Рузвельт не откликнулся на действия СССР на начальном этапе Второй мировой войны. Он был очень осторожен в оценке подписанного 23 августа 1939 года советско-германского договора о ненападении и тех действий СССР, которые, по существу, означали его участие в разделе Восточной Европы.

Хотя американский президент, как и все в мире, за исключением самих участников, не знал о дополнительном секретном протоколе к этому договору, посвященном разделу сфер господства, он понимал, что нечто подобное обязательно должно существовать. Но об этом в обращениях к американцам не говорилось ни слова, как и об изгнании СССР из Лиги Наций в связи с советской агрессией против Финляндии, начавшейся 30 ноября 1939 года, — благо США членом этой организации не являлись.

С одной стороны, президент не исключал такого поворота событий, который привел бы к новой расстановке мировых сил, союзу или, по крайней мере, совместным действиям с СССР. С другой стороны, он был крайне осторожен в транслировании на всю страну своих мыслей по этому вопросу ввиду весьма негативного отношения к сталинской диктатуре у подавляющего большинства населения.

Собственно говоря, нападение Германии на СССР не явилось для американского президента полной неожиданностью. Посол в Москве Лоуренс Стейнгард докладывал, что Германия намерена вторгнуться на советскую территорию и быстро захватить наиболее плодородные районы. Аналогичная информация поступала по каналу «Мэджик» — это было зашифрованное название японского секретного кода, который удалось раскрыть американским спецслужбам. В числе сведений, извлеченных дешифровочными машинами, было изложение беседы второго лица в нацистской Германии Германа Геринга с японским послом Осимой, в которой говорилось даже о числе дивизий, концентрируемых для атаки, и типах самолетов.

Рузвельт не сообщал об этом Сталину, полагая, что вполне достаточную информацию по этому вопросу тому предоставил Черчилль в письме от 3 апреля 1941 года, где говорилось: «Я рас-

полагаю достоверными сведениями от надежного агента, что, когда немцы сочли Югославию пойманной в свою сеть, то есть после 20 марта, они начали перебрасывать из Румынии в Южную Польшу три из своих пяти танковых дивизий. Как только они узнали о сербской революции, это продвижение было отменено. Ваше превосходительство легко поймет значение этого факта». Тогда Сталин счел письмо британского премьера провокацией. Когда же через полтора года Черчилль напомнил ему об этом предупреждении, советский лидер, стремившийся сохранить лицо, ответил: «Мы никогда в это мне сомневались» — и добавил, что хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к нападению.

15 июня Рузвельт получил очередное письмо от Черчилля с сообщением, что «в ближайшее время немцы, видимо, совершат мощное нападение на Россию», а Великобритания намерена «предоставить русским всяческую поддержку и помощь». Президент ответил немедленно, заверив адресата, что публично поддержит «любое заявление, которое сделает премьер-министр, объявляя Россию своим союзником».

Теперь же, когда США и Великобритания, казалось, действительно приобретали нового мощного союзника, Рузвельт мучительно размышлял, как ему следует оценить начало германо-советской войны в выступлении перед американцами. Ему, разумеется, немедленно доложили, что в тот же вечер премьер-министр Великобритании в палате общин высказался совершенно определенно. Речь Черчилля, тотчас переданная по радио, являлась одним из образцов его пламенного красноречия, и Рузвельт с восхищением читал ее текст:

«...Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще не зажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий... Я должен заявить о решении Правительства Его Величества и уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика?

У нас лишь одна-единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвлечь нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с Божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги...

Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы».

Черчилль использовал образное сравнение: «Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по крайней мере, благожелательно отозвался бы в палате общин о Сатане».

По существу, это было обращение и к Франклину Рузвельту. Но президент США выступил только 24 июня, причем не с радиообращением к нации, а перед приглашенными в Белый дом представителями прессы. Он двое суток, опасаясь вспышки изоляционизма, обдумывал свое заявление, оценивал первые, весьма тревожные сообщения с Восточного фронта, где германская авиация за несколько часов уничтожила на аэродромах значительную часть советских самолетов, а немецкие армии начали быстрое продвижение в глубь страны, лишь местами встречая серьезное сопротивление. Казалось, что действительно происходит блицкриг — молниеносная война и может повториться французский сценарий 1940 года.

Когда журналисты были приглашены в кабинет президента, у него был готов всеми ожидаемый ответ на вопрос об отношении США к событиям на советско-германском фронте. Даже учитывая наиболее пессимистический вариант — разгром СССР в течение нескольких месяцев, как это и намечалось планом «Барбаросса», президент пришел к выводу, что в любом случае на Восточном фронте Германия потеряет значительную часть людских и материальных ресурсов, а это даст Соединенным Штатам время для

ускоренной подготовки к военному вмешательству в европейские дела. Корреспондентам телеграфных агентств и газет Рузвельт сказал твердо, как будто это было единственно возможное и естественное решение: «Разумеется, мы окажем России всю возможную помощь».

Когда корреспондент «Либерти» передал ему текст редакционной статьи своей газеты под заголовком «К черту коммунизм», Рузвельт прореагировал словами: «Если бы я сидел за вашим письменным столом, то написал бы передовую статью, осуждающую в одинаковой мере как русскую, так и германскую форму диктатуры. Но в то же время я ясно дал бы понять, что в настоящее время непосредственная угроза безопасности США исходит от гитлеровских армий». Последовали вопросы о формах помощи СССР и, в частности, о том, распространится ли на него ленд-лиз. От ответов на них Рузвельт уклонился — они пока не были ясны для него самого.

Первым шагом на пути оказания помощи было решение разморозить советские фонды в сумме около 50 миллионов долларов в банках США (на них был наложен арест в конце 1939 года после нападения СССР на Финляндию).

Своего рода демонстрацией того, что начало советско-германской войны непосредственно не касается Соединенных Штатов, было участие Рузвельта 30 июня 1941 года в торжественном открытии Президентской библиотеки (одновременно являвшейся музеем и прежде всего архивом) в его родном Гайд-Парке. Выступая после хранителя библиотеки Ф. Уокера и главного архивариуса США Р. Коннора, президент попытался связать воедино разные эпохи в истории своей страны: «Нация должна верить в три вещи. Она должна верить в прошлое. Она должна верить в будущее. Но она должна прежде всего верить в способность людей учиться у прошлого, чтобы быть более точными в суждениях о том, как строить свое будущее».

С созданием библиотеки были связаны некоторые личные планы Рузвельта. Он никак не рассчитывал, что останется президентом и после завершения третьего срока. Огромный массив документации, концентрируемый в Гайд-Парке, должен был стать той базой, на которой он предполагал создавать свои будущие многотомные мемуары. Франклин особенно заботливо относился к сохранению документов и даже сконструировал для этого ящики особой формы.

Однако открытие библиотеки, несмотря на его показной характер, не могло отвлечь Рузвельта от главного — от хода войны и прежде всего от событий на советско-германском фронте.

Готовясь к очередному выступлению в конгрессе, президент в начале июля написал краткий меморандум, в котором содержалась главная идея его предстоявшей речи: «Я искренне надеялся, что мы не будем вовлечены в эту войну. Я серьезнейшим образом пытался избежать использования силы... Мои надежды были тщетны. Мои усилия избежать использования силы оказываются неэффективными. [Однако] наша национальная оборона еще далека от совершенства. Становится ясно, что в случае, если мы не прибавим максимум наших усилий... к усилиям тех наций, которые борются за свободу в мире, мы окажемся в ситуации, когда будем воевать в одиночестве и подвергнемся невиданно большей опасности, чем встречаем сегодня». Так сводились воедино задачи помощи союзникам, включая СССР, и соображения национального выживания, которые в наибольшей степени могли убедить не только законодателей, но и все американское общество в необходимости фактического вступления в войну против агрессивного блока.

В июле-августе в Великобритании и США побывала советская военная миссия во главе с генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым. Тот до недавнего времени являлся начальником Разведывательного управления Генштаба Красной армии и в этом качестве докладывал Сталину о фактах подготовки Германии к нападению на СССР. Несмотря на это (или благодаря этому) советский лидер сохранил доверие к Голикову и назначил руководителем миссии именно его, никогда ранее не бывавшего за границей и не говорившего на иностранных языках. Перед Голиковым была поставлена задача решить вопрос о начале поставок вооружения и стратегических материалов в СССР.

Английская часть миссии оказалась неудачной. По всей видимости, опытные британские чиновники быстро поняли, что имеют дело со второстепенной, к тому же малокомпетентной в военно-дипломатических вопросах фигурой. Американский же этап миссии имел двойственный результат. С одной стороны, обсуждение вопросов военно-экономической помощи СССР было вынесено на самый высокий уровень — Голиков был принят Рузвельтом. С другой — обнаружили те же тенденции, что и в Англии, включая, по мнению Голикова, нежелание американских

чиновников действовать быстро. Генерал совершенно не понял, с кем имеет дело. Г. Гопкинса, горячо ратовавшего за оказание помощи СССР, он обозвал в своих записях «распоясавшимся фари́сеем, предельно зазнавшимся прихвостнем большого человека (Рузвельта. — Г. Ч.), возомнившим себя не глупее и не меньше своего патрона».

В конце августа генерал попросил отозвать его в Москву за ненужностью пребывания на территории Соединенных Штатов, что и было сделано в начале сентября. К тому времени все же удалось договориться об отправке в СССР некоторых видов вооружения, о проведении в Москве совещания по вопросу о поставках с участием представителей США и Великобритании. И главное — приезд советской военной миссии послужил для Рузвельта новым стимулом к включению СССР в число стран, получавших помощь по ленд-лизу. На заседании военного кабинета министров он напомнил, что на территории Советского Союза война идет уже шесть недель, но пока туда не отправлены никакие товары. Президент попросил управление по чрезвычайным ситуациям ускорить работу: «Действуйте, как колючка, которая заставляет двигаться».

И все же прежде чем перейти к решению вопросов о конкретных формах и размерах помощи и об ответных обязательствах СССР, Рузвельту было необходимо, чтобы кто-то посмотрел на ситуацию на месте, причем посмотрел так, как это сделал бы он сам. По его мнению, на это был способен только Гарри Гопкинс. 11 июля Рузвельт несколько часов провел в беседе со своим первым помощником, а на следующий день стало известно, что тот летит в Лондон (о Москве пока не сообщалось). Уже находясь в Лондоне, Гопкинс получил сообщение, что правительство СССР готово его принять.

Тяжелобольной человек, которому врачи вновь и вновь предсказали всего несколько месяцев жизни, Гопкинс отправился в новое нелегкое путешествие. Он вез личное письмо Рузвельта Сталину: «Мистер Гопкинс находится в Москве по моей просьбе для бесед с Вами лично и с теми из официальных лиц, которых Вы назначите для решения жизненно важного вопроса о том, как мы можем наиболее целесообразными эффективным образом предоставить Вашей стране помощь Соединенных Штатов». Совершив двадцатичасовой полет в Архангельск на борту английского разведывательного самолета, отнюдь не отличавшегося

комфортом, а затем пробыв еще четыре часа в воздухе на пути в Москву, личный представитель президента США приступил к анализу ситуации в СССР.

Сталин, со свойственной ему способностью производить самое благоприятное впечатление на собеседника, встретившись с американским посланцем 30 и 31 июля, буквально очаровал его. Вдумчивый американец проявил наивность, отбросив в сторону как лишний умственный и нравственный груз все то, с чем была связана оценка Сталина в западном мире в недавние годы — кровавую коллективизацию, террор 1936–1938 годов, участие в разделе Восточной Европы. Советский лидер показался Гопкинсу человеком умным, вежливым и склонным к откровенному разговору: «Он ни разу не повторился. Он говорит так, как стреляют его войска, — прямо и тяжело». На основании впечатлений от бесед с советским руководством, разговоров с военными, а также краткой поездки на фронт у представителя президента сложилось убеждение, что ни Москва, ни Ленинград не будут сданы немцам, хотя он и сознавал, что это будет стоить СССР огромных людских и материальных потерь.

Естественно, все соображения Гопкинса были переданы Рузвельту, который ему полностью доверял, и сыграли немалую роль в изменении его отношения к Сталину. Миссия Гопкинса играла значительную роль в принятии Рузвельтом решения об оказании поддержки СССР, распространении на него помощи по ленд-лизу. Но вначале, чтобы склонить на свою сторону общественное мнение, попытаться вовлечь в кампанию помощи население США, президент предпринял показательный маневр — выступил с инициативой сбора металлолома и прежде всего алюминия для изготовления партии самолетов, которую он намерен отправить на Восточный фронт.

Можно, конечно, считать выкладывание на лужайках Гайд-Парка алюминиевых сковородок, кофейников и прочей хозяйственной дребедени, из которой семья Рузвельт собиралась строить самолеты, примитивной рекламной кампанией. Да и в целом проведенный по всей стране сбор алюминия мог, наверное, удовлетворить микроскопическую часть потребности в нем. Никто не подсчитывал, хватило бы этих кастрюль и чайников для постройки хотя бы одного самолета. Важно было другое — американские обыватели начинали видеть в СССР союзника по борьбе.

Двадцатого июля Рузвельт принял в Белом доме Константина Александровича Уманского, работавшего в советском полпредстве

в США с 1936 года, в 1939-м ставшего его руководителем, а в мае 1941-го, в связи с реорганизацией всех дипломатических служб СССР по западному образцу, чрезвычайными полномочным послом. Президент высказал надежду, что советский фронт устоит: «Если русские смогут сдержать немцев до 1 октября 1941 года, это будет большой вклад в разгром Германии, ибо после этого никакие эффективные военные действия немцы в России проводить не смогут, и в дальнейшем этот фронт сможет сковать множество германских войск и техники, а это обеспечит конечную победу над Гитлером».

При всей сдержанности и неопределенности этого высказывания оно свидетельствовало о готовности оказать помощь. В октябре 1941 года закон о ленд-лизе был распространен на СССР.

Но наиболее важным президент и его окружение считали укрепление союзнических отношений с Великобританией.

В августе 1941 года Рузвельт предпринял путешествие к берегам острова Ньюфаундленд. Оно было окружено такой тайной, что даже доверенная секретарша Рузвельта Грейс Тулли, посвященная во все правительственные секреты, не имела представления о том, куда и зачем он направляется. Лишь в последний момент о вояже уведомили военачальников. Рузвельт пожелал, чтобы его сопровождали сыновья Эллиот и Франклин-младший, которых отозвали из их частей якобы по вызову адмирала Кинга и других высших чинов, и они недоумевали, какая выволочка или, в лучшем случае, поручение их ожидает.

Эллиот вспоминал: «Я мог только предположить, что какое-то высокое начальство желает посоветоваться относительно баз, съемкой которых я занимался... По радио мы получили указание, к какому причалу пришвартоваться и сколько времени ждать, пока за нами пришлют катер. Тем временем мы строили догадки насчет того, по какому случаю эта флотилия крейсеров и эсминцев стоит здесь на якоре».

Несколькими днями ранее, 3 августа, яхта «Потомак» под президентским флагом покинула порт Нью-Лондон в штате Коннектикут. Создавалось впечатление, что речь идет о кратком отдыхе. Действительно, президент и его спутники (в их числе были норвежская принцесса Марта и шведский принц Карл) развлекались, ловили рыбу. Одна из телеграмм, переданных на берег, информировала, что президент недоволен уловом: рыба несъедобна, в ней много червей. Журналисты интересовались,

какие места посетит президентская яхта, но получали неопределенные ответы, что, поскольку речь идет об отдыхе, планы меняются ежедневно. Рузвельт вроде бы сам стоял у руля, когда через два дня яхта проплывала по каналу на мысе Код на северо-востоке США, где, как считало его окружение, его могли наблюдать отдыхавшие в окрестностях богатые американцы.

Но на самом деле они видели не президента, а его восковую фигуру. Сам Рузвельт накануне вечером был тайно перемещен на тяжелый крейсер «Огаста», который направился на север, к берегу Ньюфаундленда. Здесь в бухте Ардженшия 9 августа попеременно на «Огасте» и британском линкоре «Принц Уэльский» происходила его первая встреча с Черчиллем в качестве высших государственных деятелей двух стран, одна из которых уже вела войну против нацистского агрессора, а вторая готовилась к вступлению в нее. Рузвельт хорошо помнил свое давнее посещение сэра Уинстона в бытность того первым лордом Адмиралтейства — военно-морским министром. Тогда американский заместитель министра не был для него значительной фигурой; теперь же, на встрече, получившей кодовое наименование «Ривьера», они общались не просто на равных, а с явным преимуществом американца.

Британский премьер предполагал широко оповестить мир об этом мероприятии еще до его проведения, о чем госсекретарь Халл сообщил Рузвельту. Президент счел это нецелесообразным, выразив опасение по поводу германских атак по пути и на месте, с которым британская сторона в конце концов согласилась.

Почти сразу главы США и Великобритании стали в неофициальной обстановке называть друг друга по именам. Позже Рузвельт и во время публичных встреч обращался к «Уинстону», но Черчилль щепетильно соблюдал формальности, называя Рузвельта только «мистер президент». На американского президента произвели глубокое впечатление не только государственные качества британского лидера, о которых он хорошо знал и ранее, но и его внешний вид: толстая сигара во рту, экстравагантная шляпа, галстук-бабочка в горошек.

Задача Рузвельта состояла в том, чтобы при самом уважительном и дружелюбном общении с британским премьером все же заставить его понять фактическую зависимость судьбы Великобритании от поведения США. Эллиоту Рузвельту запомнились слова Черчилля: «Господин президент, мне кажется, что вы

пытаетесь покончить с Британской империей. Это видно из всего хода ваших мыслей об устройстве мира в послевоенное время. Но несмотря на это, вы знаете, что мы это знаем. Вы знаете, что без Америки нашей империи не устоять».

В главном их цели оказались общими. Правда, попытка Рузвельта поставить вопрос о послевоенном устройстве, уничтожении торговых барьеров, равных возможностях в мировой экономике была отвергнута его собеседником путем перехода к обсуждению других проблем. Черчилль отнюдь не желал присутствовать, как он не раз высказывался, на похоронах империи. А именно это — торговое вторжение в доминионы и колонии Великобритании, пока еще прикрытые «имперскими преференциями», — и означали американские предложения. По совету помощников Рузвельт прекратил словесные эскапады в этом направлении, и встреча в Ардженшии в целом завершилась успешно. Правда, президент так и не внял призывам своего британского коллеги к немедленному вступлению США в войну.

Утром 11 августа на «Огасте» в адмиральской каюте, которая служила Рузвельту одновременно кабинетом и столовой, состоялись заключительные дебаты о целях войны. Возник спор по вопросу о создании международной организации по поддержанию мира и сотрудничества. Черчилль выдвинул и горячо отстаивал необходимость основать такую организацию; Рузвельт же отнесся к этой идее скептически, памятуя о крайне негативной реакции, которую вызвало в США образование Лиги Наций, а также о том, что она оказалась неспособной остановить агрессию и сохранить мир. Нужно быть реалистами в политике, заявил он, и прежде чем создавать такую организацию, необходимо англо-американскими силами обеспечить международную безопасность, выиграв войну. Стороны договорились в заключительном документе не заострять внимание на этом вопросе.

Было согласовано сообщение для прессы: «Президент Соединенных Штатов и премьер-министр м[исте]р Черчилль, представляющий правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, встретились в море... Были подвергнуты дальнейшему обсуждению все проблемы снабжения средствами ведения войны, предусмотренными актом о ленд-лизе, в отношении вооруженных сил как Соединенных Штатов, так и тех стран, которые активно сопротивляются агрессии... На конференции также были рассмотрены проблемы снабжения Советского Союза». Вопрос

о поставках в СССР выходил на первый план, в частности в связи с тем, что как раз в это время стали поступать сообщения агентов разведывательных служб из Берлина: Гитлер вынужден изменить свой план, предусматривавший завершение оккупации европейской части СССР к 30 сентября, из-за «неожиданно упорного советского сопротивления». О главном документе конференции в коммюнике не упоминалось, так как его текст был окончательно согласован в самый последний момент — Рузвельту пришлось преодолеть сопротивление Черчилля тем положениям, которые он считал направленными на разрушение Британской империи.

Когда 12 августа «Огаста» покинула акваторию Ньюфаундленда, на «Принца Уэльского» была направлена прощальная радиogramма: «Удачи всем вам от президента». Рузвельт чувствовал себя вполне удовлетворенным. При всем различии их с Черчиллем характеров они были политическими и военными соратниками. Каждый ознакомился с проблемами и трудностями другой страны. Черчилль, в частности, теперь лучше представлял себе силу американского изоляционизма, с которым вынужден был считаться Рузвельт, а тот — силу имперских традиций Великобритании.

Драматург Роберт Шервуд, в годы войны возглавлявший зарубежную службу Управления военной информации и допущенный в Белый дом, констатировал: «Стало своего рода священной традицией, что при встречах американского и английского государственных деятелей первый должен быть простым, открытым, практичным и даже абсолютно бесхитростным, а второй — являться хитрым, ловким, уклончивым и в конце концов восторжествовать. В отношении Рузвельта и Черчилля эта формула несколько перепуталась... Премьер-министр быстро понял, что в лице президента он имеет дело с чрезвычайно тонким и скрытным человеком, умевшим искусно уклоняться, человеком, которого нельзя поймать на определенных формулировках и нельзя уговорить или подтолкнуть на определенные обещания, противоречащие его суждению, воле или инстинкту».

На обратном пути Рузвельт сделал остановку в штате Мэн, навестив своего старого школьного учителя Эндикотта Пибоди. Вспомнили Гротон, Франклин слегка расслабился. Он пересел с крейсера на яхту «Потомак», в строжайшем секрете поданную к борту могучего корабля, еще день побыл в океане, а затем из Портленда поездом выехал в Вашингтон.

Четырнадцатого августа, еще до прибытия Рузвельта в столицу, на весь мир прозвучала Атлантическая хартия — торжественная декларация, согласованная и подписанная президентом и премьер-министром. Несмотря на то что каждый из них повторял, что не собирается заниматься вопросами послевоенного мира, в ней провозглашались устои послевоенного устройства мира, свободного от тоталитаризма.

Основными положениями хартии были: отсутствие территориальных претензий США и Великобритании к каким-либо странам; разрешение территориальных споров между государствами только мирным путем; право народов на самоопределение; ослабление таможенных и иных барьеров в мировой торговле; всеобщее экономическое сотрудничество с целью повышения благосостояния народов; свобода от нужды и страха; свобода морского судоходства; разоружение государств-агрессоров и всеобщее разоружение после войны.

Главной задачей двух стран, согласно документу, являлся военный разгром стран-агрессоров. Еще одно положение, которого Соединенные Штаты жаждали на протяжении многих лет, было сформулировано так: «Они (США и Великобритания. — Г. Ч.), соблюдая должным образом свои существующие обязательства, будут стремиться обеспечить такую ситуацию, при которой все страны — великие или малые, победители или побежденные — имели бы доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам, необходимым для экономического процветания этих стран». Таким образом, Рузвельт получил те гарантии, которых так упорно, но бесплодно добивался президент Вильсон еще после Первой мировой войны.

На «Потомаке» состоялась первая после встречи с Черчиллем пресс-конференция, на которой Рузвельт всячески пытался снизить накал страстей вокруг торжественного документа. На вопрос, как конкретно он собирается осуществлять цели, провозглашенные в Атлантической хартии, президент ответил: «Это обмен мнениями, вот и все. Ничего больше». — «Стали ли мы ближе к войне?» — «Я сказал бы нет». Въедливый журналист продолжал настаивать: «Так прямо и надо вас цитировать?» Ответ прозвучал издевательской отповедью: «Нет, лучше процитируйте косвенно».

Послам США и Великобритании в Москве было поручено передать сообщение о встрече Рузвельта и Черчилля и текст Атланти-

ческой хартии Сталину вместе с предложением об организации тройственной встречи. 15 августа посол Стейнгард писал Рузвельту: «После того как Сталин прочитал сообщение в переводе, он немедленно попросил Криппса (британского посла. — Г. Ч.) и меня передать от имени народов Советского Союза и советского правительства его глубокую благодарность за готовность президента Рузвельта и премьер-министра Черчилля оказать помощь Советскому Союзу в его войне против гитлеризма и указал, что он готов облегчить встречу американских, британских и советских представителей, как было указано в сообщении».

Двадцать четвертого сентября СССР объявил о присоединении к Атлантической хартии. В этот же день с аналогичными заявлениями выступили эмигрантские правительства Бельгии, Голландии, Греции, Люксембурга, Норвегии, Польши, Чехословакии, Югославии, а также организация «Свободная Франция», созданная в Лондоне французским генералом Шарлем де Голлем.

Вступление Второй мировой войны в новую фазу существенно приближало неизбежное прямое вовлечение в нее Соединенных Штатов. В предвидении этого Рузвельт становился все более решительным в тех внутренних вопросах, которые на протяжении десятилетий, если не столетий, вносили раскол в американское общество.

Главным среди них был вопрос о расовой дискриминации и правах чернокожего населения. Большинство американских негров желали продемонстрировать свой патриотизм, несмотря на все несправедливости и беды, которые причинили им белые. Это стремление дополнялось материальными интересами.

Первое крупное столкновение незадолго до вступления США в мировую войну произошло по вопросу о дискриминации негров при приеме на работу на предприятия военной промышленности, которая росла гигантскими темпами, требовала массы новых рабочих рук и давала вполне приличные заработки.

Негритянские организации потребовали от Рузвельта решительных мер против расовой дискриминации в федеральных учреждениях и на предприятиях, выполняющих правительственные заказы. Президент отвечал неопределенными обещаниями. Весной 1941 года энергичный председатель Братства проводников спальных вагонов Филип Рэндолф и другие негритянские деятели призвали к проведению 1 июля марша на Вашингтон с целью вынудить президента предпринять конкретные шаги.

Рузвельт тревожно следил за приготовлениями к маршу, который угрожал разрушить представление о национальном единстве. Он встречался как с лидерами негритянского движения, так и с боссами военной промышленности: первым он рисовал страшные картины хаоса, который произойдет, если вслед за чернокожими в поход на столицу отправятся ирландцы и евреи; вторых призывал отказаться от «неконструктивного подхода», то есть дискриминационных мер.

После долгих уговоров Ф. Рэндолф согласился отменить марш при условии, что президент издаст исполнительное распоряжение в духе требований участников шествия. Такое распоряжение, запрещавшее дискриминацию в оборонной промышленности и государственных органах по расовым, религиозным или национальным причинам, появилось в самый последний момент — 25 июня. При Управлении промышленного производства создавался комитет по справедливому найму на работу. На время расовый конфликт был отодвинут в сторону. Поход на Вашингтон с непредсказуемыми последствиями был отменен.

Это был первый после Реконструкции 1870-х годов официальный документ, направленный на уравнивание статуса белого и черного населения. Он знаменовал собой очень медленное, но неуклонное расширение прав негров, которое лишь почти через полвека завершилось окончательной ликвидацией в США дискриминации чернокожих, а теперь порой приводит даже к проявлению признаков «обратной дискриминации» — представлению при прочих равных условиях преимуществ черному населению.

Из-за государственных забот, особенно в связи с войной, все больше отступали на задний план личные дела, хотя Рузвельт постоянно заботился о поддержании себя в необходимой рабочей форме. Но и ежедневные продолжительные сеансы массажа, которые проводил доктор Росс Макинтайр, рассматривались как своеобразное выполнение служебной функции, то есть забота об общем благе.

Рузвельт позволил себе стать обыкновенным человеком, лишь когда у него в семье произошла первая большая беда. Его мать, которая до этого времени, несмотря на преклонный возраст, держалась очень бодро, стала быстро сдавать. У Франклина было двойственное отношение к Саре: он почитал ее, относился к ней заботливо и нежно, но в то же время с годами его все больше раз-

дражали продолжавшаяся и даже порой усиливавшаяся материнская опека, непрошенные советы. Все это, однако, было забыто, когда ему сообщили, что состояние Сары близко к критическому. 6 сентября Франклин приехал в Гайд-Парк. Мать находилась в постели, но при виде сына приободрилась и посетовала, что не встретила его на пороге дома, побоявшись, что не сможет потом подняться на четыре ступени крыльца. Франклин сидел у ее кровати. Шла задушевная беседа о прошлом, о родных, о жизненных перипетиях. Казалось, что опасения врачей напрасны. Но вечером ей стало хуже, а на следующий день Сара Делано Рузвельт скончалась, не дожив двух недель до своего 87-летия. Она была похоронена здесь же, в Спрингвуде. Впервые за много лет родные увидели на щеках Франклина следы слез.

Траурная церемония состоялась также в небольшом сквере манхэттенского Ист-Сайда, еще в 1934 году названном именем Сары Рузвельт.

Три дня пробыл Рузвельт в Гайд-Парке, в основном в одиночестве, но, возвратившись в Вашингтон, стал прежним улыбчивым и одновременно жестким и требовательным президентом. Личные горести и заботы вновь отошли на задний план.

Новая «беседа у камина» прозвучала в эфире 11 сентября 1941 года в связи с нападением германской подводной лодки на американский эскадренный миноносец «Гриер», произошедшим неделей раньше. Нацисты не должны овладеть морями, ибо это был бы путь к установлению господства над всем Западным полушарием — такова была ее основная идея. Речь звучала решительно: «Давайте не будем мелочными. Не будем задаваться вопросом, когда странам Америки нужно начинать оборонять себя — после первого нападения или после пятого, десятого или двадцатого. Время для активной обороны пришло».

Рузвельт понимал, что важным залогом успешного ведения войны является укрепление внутренней безопасности, недопущение вражеских вылазок. Это был весьма скользкий вопрос, ибо органы, которые занимаются обеспечением безопасности, всегда считают ее недостаточной, стремятся расширить свои функции, не гнушаясь средствами, граничащими с преступлениями или даже откровенно преступными.

Тем не менее Рузвельт полагал, что подрывные акции в военное время могут представлять опасность для страны. В сентябре 1941 года он своим исполнительным (то есть, напомним,

не подлежащим утверждению конгрессом и потому конфиденциальным) распоряжением поручил ФБР установить наблюдение за его политическими противниками, включая перлюстрацию писем и прослушивание телефонных разговоров. Более того, в обязанности Гувера был включен даже сбор информации о тех конгрессменах, которые выражали недовольство внешней политикой президента.

Это были меры целесообразные, дававшие Рузвельту более широкую информацию по внутривнутриполитическим вопросам, но явно выходявшие за пределы конституционных свобод и допустимые только в чрезвычайных условиях. Трудно сказать, как поступил бы он с ними после войны. Однако его преемники, начиная с Гарри Трумэна, сохранили «особые полномочия» ФБР и в мирное время, мотивируя это условиями холодной войны.

Приблизительно в это же время в США начала создаваться и внешняя разведка, ранее не существовавшая в качестве самостоятельной государственной организации — вот до чего доводил господствовавший в стране изоляционизм! Правда, разведкой занималось дипломатическое ведомство. Посольству в Германии, например, удалось раздобыть через месяц после произнесения знаменитую речь Гитлера на совещании 5 ноября 1937 года, в которой была изложена программа территориальных захватов. Текст оказался на столе Рузвельта. Разведкой на территории Германии руководил С. Вуд, занимавший должность торгового атташе.

Теперь же во главе формировавшейся разведывательной службы президент поставил Уильяма Донована, который с конца 1930-х годов в качестве посла для особых поручений выполнял миссии, по существу носившие разведывательный характер. «Он разъезжал как частное лицо, но президент Рузвельт заранее знал о его выездах», — говорится в его биографии.

Уильям Донован (1883–1959), нью-йоркский адвокат, то есть человек вполне мирной профессии, прославился в годы Первой мировой войны тем, что, возглавив батальон 69-го пехотного полка «Сражающиеся ирландцы», проявил личную храбрость в военных действиях во Франции и не покинул театр военных действий несмотря на три ранения. За отвагу он получил ряд боевых наград. В 1919 году Донован служил офицером связи в штабе Верховного правителя России адмирала Колчака в Омске, а в 1920–1930-х годах, возвратившись к мирной жизни, работал прокурором и адвокатом, участвовал в политике.

Внимание Рузвельта Донован привлек своей неумной любознательностью, желанием побывать в самых отдаленных уголках планеты и аналитическим умом. В июле 1940 года президент отправил его с особо деликатной миссией в Великобританию, причем ему было поручено прежде всего проверить правдивость сведений американского посла Джозефа Кеннеди о том, что боеспособность англичан низка и их страна, видимо, скоро сдастся на милость победителя. Возвратившись, Донован доложил о том, что англичане при помощи американцев способны сдерживать натиск германских сил, а также о своем знакомстве с руководителями британской разведки, которые предложили американцам сотрудничество. Можно полагать, что информация Донована положила конец колебаниям в отношении посла в Великобритании, позиция которого все более приходила в противоречие с курсом Рузвельта. В конце года Джозефа Кеннеди вынудили уйти в отставку, хотя Рузвельт выразил по этому поводу явно лицемерное сожаление.

В конце 1940 года, опять-таки по поручению Рузвельта, Донован совершил еще одну, частью открытую, частью секретную поездку по местам противостояния воюющих держав: побывал во всех странах Балканского полуострова, Турции, Испании, Португалии, Египте. Он смог произвести благоприятное впечатление на столь придирчивого политика, как Черчилль, который писал Рузвельту, что его посланец «всюду, где бы ни появлялся, вносил живую свежую струю».

Десятого июня 1941 года по совету военно-морского министра Нокса Донован представил Рузвельту докладную записку, в которой выдвинул идею создания новой разведывательной службы. По его словам, во главе ее должен стоять «координатор стратегической информации», назначенный президентом, «подотчетный ему и никому больше». Финансирование предусматривалось из особого фонда, которым «будет вправе распоряжаться исключительно президент».

После определенных колебаний, связанных с тем, что против создания отдельной разведывательной службы выступили и Гувер, и руководители сухопутной армии, Рузвельт в конце концов принял решение — 11 июля 1941 года назначил Донована начальником образуемой службы внешней разведки, координатором по информации. В июне 1942 года ведомство Донована стало именоваться Управлением стратегических служб — УСС.

К концу войны ведомство Донована стало мощной организацией со штатом около 12 тысяч человек и примерно 22 тысячами агентов и шпионов. В штат входили разнообразные специалисты: ученые — технари и гуманитарии, инженеры, экономисты, психологи и т. д. Рузвельту направлялись регулярные отчеты УСС, а также меморандумы по отдельным вопросам ведения войны.

В 1944 году ведомство Донована смогло купить у финнов захваченную ими на фронте книгу советских кодов. Хотя она частично обгорела, в ней содержались необходимые данные для расшифровки тайных сообщений, которые могли привести к раскрытию советской тайной агентуры в США. Однако Рузвельт счел, что читать тайную переписку союзника «не по-джентльменски», и Доновану было дано распоряжение передать книгу посольству СССР. Руководитель разведывательной службы протестовал, но безуспешно. Начальника управления внешней разведки Наркомата госбезопасности генерала П. М. Фитина уведомили, что советской стороне будут переданы приблизительно 1500 листов трофейных материалов. 15 февраля 1945 года их вручили советскому послу в Вашингтоне А. А. Громыко. В результате несколько важных советских агентов остались нераскрытыми. Правда, уже после смерти Рузвельта, в мае 1945 года в Германии была захвачена еще одна — опять финская — книга советских кодов, которая на этот раз стала важным инструментом в руках американской контрразведки.

Американского президента продолжали волновать проблемы Восточного фронта, который, как он постепенно убеждался, в ближайшее время не рухнет. Правда, высшие руководители вооруженных сил США в первые дни и даже недели после германского нападения на СССР были настроены значительно более пессимистично. Военный министр Стимсон рекомендовал Рузвельту исходить из предположения, что немцы будут основательно заняты войной против Советского Союза «минимум один и максимум три месяца». Таких же взглядов придерживался морской министр Нокс, считавший, что «Германии потребуется для разгрома России от шести недель до двух месяцев».

Но постепенно Рузвельт приходил к выводу, что, несмотря на огромные потери, которые несла Красная армия, гитлеровский план молниеносной войны начал срывать уже летом 1941 года. Хотя немцы продвигались вперед сравнительно быстрыми темпами, они встречали сопротивление, а на смену разгром-

ленным советским дивизиям приходили пополнения, которые шли фактически на убой, но все же сдерживали продвижение гитлеровских войск.

Рузвельт понимал, что от слов следует переходить к делу — к крупномасштабной помощи СССР. Он говорил Стимсону, что она имеет «первостепенное значение для безопасности Америки», а вслед за этим довольно цинично признавал наличие у СССР «достаточных человеческих ресурсов, расположенных в благоприятной близости к центру немецкой военной машины», то есть считал распространение на Советский Союз обширной программы ленд-лиза своего рода предварительной оплатой тех потерь, которые он нес в борьбе против врага.

Восемнадцатого сентября президент писал военному министру: «Важно, чтобы мы уже в понедельник знали количество самолетов всех типов, которые могут быть экспортированы из Соединенных Штатов (в СССР. — Г. Ч.) каждый месяц начиная с 1 октября по 1 июля 1942 года. Я хочу иметь эти цифры, невзирая на источники и фонды». Рузвельт требовал, чтобы в СССР направлялась половина всех производимых в США четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков.

Проконсультировавшись с Черчиллем, Рузвельт счел необходимым провести, наконец, трехстороннюю конференцию. В Москву были посланы, прежде всего для получения достоверной информации о способности СССР продолжать вооруженную борьбу, доверенные лица президента и премьер-министра А. Гарриман (в 1943 году он станет послом в СССР) и лорд М. Бивербрук (министр военного снабжения Великобритании). Вначале ехать опять собирался Гопкинс, но состояние его здоровья было таково, что новая тяжелейшая поездка могла привести к роковому результату, и по его рекомендации в Москву отправился Аверелл Гарриман — крупный промышленник и до недавнего времени председатель совещательного комитета предпринимателей при министерстве торговли.

В день приезда Гарриман передал Сталину письмо Рузвельта: «Я уверен, что будут найдены пути для того, чтобы выделить материалы и снабжение, необходимые для борьбы с Гитлером на всех фронтах, включая Ваш собственный. Я хочу воспользоваться этим случаем в особенности для того, чтобы выразить твердую уверенность в том, что Ваши армии в конце концов одержат победу над Гитлером, и для того, чтобы заверить Вас

в нашей твердой решимости оказывать всю возможную материальную помощь».

Англичане и американцы побывали на московских заводах, в военном госпитале, в Центральном аэрогидродинамическом институте. На трехсторонней конференции, состоявшейся 29 сентября — 1 октября, обсуждались проблемы практического сотрудничества трех государств. По всем вопросам была достигнута договоренность, и 1 октября подписано соглашение, которое предусматривало ежемесячные поставки с этой даты по 30 июня 1942 года четырехсот самолетов, пятисот танков, а также ряда других видов военной техники и материалов. Первый руководитель американской миссии в Москве по поставкам полковник Феймонвилл отмечал, что «получил от президента указания о том, что наша помощь России не должна быть поставлена в зависимость от каких бы то ни было условий и не должна использоваться как средство для получения информации о русских и от русских».

Тридцатого октября Рузвельт написал Сталину, что конгресс утвердил расходы по ленд-лизу, в которых доля СССР составит миллиард долларов, а оплата поставок может начаться через пять лет после окончания войны. Президент сообщал, что одобрил все списки военного снаряжения и вооружения, согласованные в Москве, и отдал распоряжение начать поставки немедленно и производить их в возможно большем объеме, а также информировал, что Соединенные Штаты готовы не взыскивать проценты по задолженности, которая может возникнуть у СССР, а взимать платежи по этой задолженности в течение десяти лет после истечения пятилетнего периода отсрочки. «Президент надеется, — говорилось в послании, — что Советское Правительство приложит особые усилия, чтобы продать Соединенным Штатам те товары и сырье, которые имеются в его распоряжении и в которых могут нуждаться Соединенные Штаты, причем выручка от поставок Соединенным Штатам будет зачисляться на счет Правительства Советского Союза».

Седьмого ноября Рузвельту через советское посольство было вручено ответное письмо Сталина от 4 ноября. Тот благодарил президента за «исключительно серьезную поддержку» и сообщил о готовности установить непосредственный контакт для обсуждения вопросов, представлявших взаимный интерес: «Я с удовольствием присоединяюсь к этому Вашему пожеланию

и готов со своей стороны сделать все возможное для осуществления этого».

Установившиеся личные контакты безусловно содействовали практической реализации поставок. В день получения послания Сталина президент официально объявил оборону СССР жизненно важной для безопасности США, то есть распространил на него все положения закона о ленд-лизе.

Правда, доставка грузов в СССР осуществлялась далеко не в том объеме, который был оговорен первоначально. До конца 1941 года СССР получил примерно четверть от предполагаемого. Это было связано и с неточными предварительными расчетами, и с неполным выполнением планов производства стратегических товаров американскими фирмами, и с нерасторопностью бюрократии. Однако нельзя видеть здесь сознательное стремление американской администрации и тем более Рузвельта саботировать помощь Советскому Союзу, чтобы добиться максимального его истощения. Такого рода суждения, широко пропагандированные советской историографией в годы холодной войны с целью разжигания антиамериканских настроений, бездоказательны и несправедливы. Наоборот, высшая государственная элита США во главе с президентом настоятельно стремилась максимально облегчить СССР бремя войны.

Своей важнейшей задачей Рузвельт продолжал считать оборону подступов к США на Атлантическом океане. Желанный повод к этому дал инцидент, происшедший в начале сентября 1941 года. Американский эсминец «Гриер» шел через Северо-Западную Атлантику в Исландию, когда британский патрульный самолет предупредил, что примерно в десяти милях по его курсу находится немецкая подводная лодка. Корабль стал преследовать субмарину, двигавшуюся в погруженном положении, и сообщать самолету координаты. Сброшенные с самолета глубинные бомбы не достигли цели, а лодка произвела торпедную атаку на эсминец. «Гриер» уклонился от торпед и в свою очередь атаковал лодку глубинными бомбами, а затем двинулся своим курсом, передавая ее координаты британским эсминцам и самолетам.

Несмотря на то что во время этого инцидента никто не пострадал, 11 сентября Рузвельт выступил по радио с упомянутым выше заявлением о том, что США меняют свою политику в тех водах, которые «рассматриваются как исключительно важные для нашей обороны». Американские военные корабли и самолеты

получили приказ верховного главнокомандующего атаковать в этих зонах германские и итальянские силы, вводилось конвоирование судов дружественных стран. Таким образом, США начали в Атлантике необъявленную войну.

Америка в 1941 году жила внешне так же, как в мирное время. Более того, начинавшийся промышленный бум, сопровождавшийся увеличением спроса на рабочую силу, создавал радостное возбуждение. Белый дом всячески поощрял такие настроения, поддерживая впечатление, что американским парням не угрожает отправка на кровопролитную войну. Глава государства лично открыл бейсбольный турнир 1941 года и увлеченно наблюдал, как «Янки» побеждают «Сенаторов». По случаю ежегодного праздника — верчения пасхальных яиц — он выступил с веселой речью на лужайке Белого дома. Рузвельт участвовал в церемонии избрания президента лающих собак и был в восторге, когда этой чести удостоился (это был явный подхалимаж со стороны собаководов) его любимец Фала. Об этом событии трубила вся пресса.

Пёрл-Харбор.

Верховный главнокомандующий воюющей страны

Между тем постепенно становилось ясно, что близится война и на Тихом океане.

Благодаря применению специальных шифровальных машин «Энигма» японцы, как и немцы, полагали, что тайные сообщения, в том числе отправляемые их представителям в США, надежно защищены. Однако в США удалось создать дешифровочную машину «Бомба», с помощью которой, а также с учетом ошибок операторов «Энигмы», процедурных изъянов, заведомо известных текстов (например, при передаче метеосводок), захватов шифровальных книг можно было разгадывать шифры и читать сообщения, хотя это и была весьма трудоемкая и длительная работа.

Особые заслуги в этой сфере принадлежали криптологу и криптоаналитику полковнику Уильяму Фридману, организатору и первому директору американской Службы сигнальной разведки. Группа Фридмана уже в 1940 году осуществила расшифровку японского «пурпурного кода», что дало американской разведке доступ к секретной японской дипломатической корреспонденции.

Рузвельту регулярно докладывали результаты расшифровок. Перехваченные сообщения свидетельствовали, что правящие

круги Японии тщательно готовят наступление в южных морях, а переговоры с США, которые затеял японский МИД, носят отвлекающий характер. Обсуждая с военным командованием ситуацию на Тихом океане, президент пришел к выводу о возможной неожиданной атаке японцев, но где именно она произойдет, никто предсказать не мог.

Рузвельт и его окружение стремились если не предотвратить, то по крайней мере максимально оттянуть нападение. США то прекращали, то возобновляли поставки нефти Японии. Посла Китисабуро Номуру несколько раз принимали в Белом доме. Послу внушали, что в случае отказа Японии от планов завоевания Индокитая Соединенные Штаты добьются его нейтрализации по образцу Швейцарии. Японец вежливо улыбался, не давая какого-либо ответа, а лишь обещая немедленно довести полученное сообщение до сведения правительства микадо.

Более того, чтобы продемонстрировать свою добрую волю, США продолжали поставлять в Японию железный лом, что вызывало непонимание не только в широких общественных кругах, но и у членов семьи президента. Эллиот Рузвельт рассказывал, что как-то выразил отцу свое недоумение и получил его пространный ответ: «Если бы мы вдруг перестали продавать Японии железный лом, она вправе была бы считать, что мы совершили недружественный акт, используя орудие торговли, чтобы душить ее, морить ее голодом. И это еще не все. Она вправе была бы рассматривать такой шаг с нашей стороны как основание для разрыва дипломатических отношений. Я пойду еще дальше. Если бы она считала нас недостаточно подготовленными к войне, недостаточно вооруженными, она могла бы воспользоваться этим даже как предлогом для объявления войны».

Однако все эти усилия оказались тщетными.

Двадцать восьмого ноября Рузвельт выехал в Уорм-Спрингс, где собирался отдохнуть примерно полторы недели. Он повидался с Мисси Лихэнд. Встреча была тягостной — недавно цветущая женщина превратилась в развалину, могла объясняться только жестами, не была в состоянии передвигаться. Скорее всего визит был лишь данью вежливости, продлился он не более четверти часа, после чего Рузвельт отправился в свои апартаменты.

В тот же день поступило крайне тревожное сообщение от Халла: премьер Японии Тодзио выступил с наглой речью, призывая ликвидировать британское и американское господство на Дальнем

Востоке, а на переговорах в Вашингтоне японская делегация нарочито обостряет ситуацию. Халл предполагал, что нападение может начаться в любой момент, однако разведка ничего не могла сказать о предполагаемых местах первой атаки.

Учитывая ситуацию, 1 декабря Рузвельт возвратился в Вашингтон. Утром в воскресенье 7 декабря ему принесли очередную расшифровку японских документов. Президент сделал вывод: «Похоже, что японцы собираются разорвать отношения». Но дело обстояло иначе.

Именно в этот день Соединенные Штаты непосредственно вступили в мировую войну. Японские бомбардировщики, поднявшиеся с авианосцев, которые за две недели до того тайно покинули свои порты, двумя волнами (в первой 183, а во второй 170 самолетов) нанесли тяжелейший удар по американскому флоту, находившемуся в Пёрл-Харборе — бухте на Гавайях, главной американской военно-морской базе на Тихом океане, расположенной рядом с Гонолулу — главным городом архипелага.

Нападение было внезапным. Никто в военном ведомстве США не предполагал, что японцы окажутся способными подготовить и осуществить его в столь отдаленном районе Тихого океана.

В послевоенный период некоторые авторы выдвинули версию, будто бы правительство США и сам президент знали о предстоящем нападении на Гавайи, но не предприняли никаких действий, чтобы подготовиться к нему, дабы в максимальной степени оправдать вступление США в войну. Сторонники такого взгляда ссылаются на то, что в Вашингтон поступали сведения о предстоявшей атаке на Пёрл-Харбор, как правило, приводя донесение американского посла в Токио Джозефа Грю. Но последний писал лишь о слухах, которые ему пересказал посол Перу. Поэтому можно утверждать, что эта версия базируется лишь на смутных и противоречивых предположениях и не подтверждена достоверными фактами.

Несмотря на то что американцы владели японскими шифрами и перехватывали военную и политическую переписку, в частности с послом Номурой и призванным помочь ему в переговорах с Госдепом спецпосланником Курусу, обработка донесений шла очень медленно и часто расшифрованные сообщения мало о чем говорили, поскольку японцы были крайне осторожны даже в секретной переписке.

Американское командование в качестве объектов первой японской атаки называло самые различные места — Таиланд, Филиппины и т. д., но никак не Гавайи. Более того, когда уже началась бомбардировка, команды американских кораблей и сухопутные силы обороны все еще медлили, полагая, что речь идет о маневрах, о которых они по каким-то причинам не были предупреждены.

Из девяноста кораблей были затоплены или выведены из строя пять линкоров (остальные три повреждены), три эсминца, потеряно 349 самолетов. США фактически лишились почти всего своего Тихоокеанского флота. Одновременно японцы атаковали другие американские и британские базы — на островах Гуам, Мидуэй, Уэйк, Филиппинах, в Британской Малайе.

Победа японцев могла быть еще более значительной, если бы они вывели из строя авианосцы противника. Но те отсутствовали в Пёрл-Харборе: три вышли в море, четвертый ремонтировался в Калифорнии. Японцы не предприняли попытки уничтожить огромные нефтехранилища на Гавайях, содержимое которых почти равнялось всем японским запасам. Если американцы считали события в районе Пёрл-Харбора тяжким поражением, то командующий японским флотом крупнейший военно-морской специалист адмирал Исороку Ямамото придерживался прямо противоположной точки зрения и в конечном счете оказался прав.

Но пока японская атака произвела на Рузвельта ошеломляющее впечатление. Проинформировал его военно-морской министр Нокс. Президент не поверил. Вместе с находившимся у него Г. Гопкинсом он повторял: «Это, видимо, ошибка». Высшие государственные деятели США и помыслить не могли, что японцы смогут беспрепятственно добраться до такого отдаленного уголка океана. Вскоре позвонил Черчилль. «Господин президент, что-то действительно произошло с Японией?» — спросил он. «Да, произошло. Они атаковали нас в Пёрл-Харборе. Теперь мы в одной лодке».

В первые часы после получения страшной информации президент был растерян, невероятно утомлен и почти раздавлен. Он чувствовал себя опозоренным, униженным не только как руководитель страны, оказавшийся неспособным распознать намерения врага, но и как бывший военный моряк, один из руководителей флота во время Первой мировой войны. Удар, поразивший флот, был воспринят Рузвельтом особенно болезненно. Эти чувства были тем более сильными, что он был первым главой государ-

ства после Джеймса Медисона (1751–1836), при котором страна терпела военное поражение (в прошлый раз это было во время англо-американской войны 1812–1814 годов, когда англичане даже заняли и сожгли Вашингтон).

Но президент быстро овладел собой. Элеонора вспоминала, что на лице его она могла прочитать только «смертельное спокойствие»: «Вокруг бегали возбужденные чиновники, а он, хотя имел утомленный вид, сидел за столом, безразличный к царившим вокруг эмоциям. Каждое следующее донесение выглядело еще более ужасным, чем предыдущие, но он сохранял полное спокойствие. Это стало для него обычным. Когда происходило что-то очень плохое, он становился чуть ли не айсбергом без какой-либо видимой эмоции».

Франклин Делано Рузвельт становился теперь не только номинально, но и фактически верховным главнокомандующим в условиях войны, которая угрожала мощи и престижу его страны, а возможно, и самому ее существованию. Теперь ему приходилось принимать стратегические решения, согласовывая их с главнокомандующими союзных стран — Черчиллем, Сталиным, Чан Кайши; отдавать приказы, на основании которых американские войска должны были вести боевые действия, неся неизбежные потери. Предстояло управлять страной не на основании обычных конституционных процедур, а в основном путем издания исполнительных распоряжений, за которые он нес личную ответственность. Отныне главная тяжесть вины за поражения ложилась лично на него, а триумф победы, в которой он не сомневался, но понимал, насколько она далека, предстояло разделить со всем народом и государствами-союзниками.

В полдень 8 декабря Рузвельт выступил на срочно созванном совместном заседании обеих палат конгресса, признав, что происшедшее «будет навсегда датой позора». Звучали короткие, рубленые фразы, повторявшие одна другую, только с разными географическими названиями, каждое из которых отзывалось болью и стыдом в душах американцев: «Вчера японское правительство также предприняло нападение на Малайю. Вчера ночью японские войска атаковали Гонконг. Вчера ночью японские войска напали на Гуам. Вчера ночью японские войска атаковали Филиппинские острова. Вчера ночью японские войска произвели нападение на остров Уэйк. А этим утром японские войска атаковали остров Мидуэй».

Рузвельт сообщил, что в качестве верховного главнокомандующего он распорядился принять все возможные меры обороны. «Какое бы время нам ни потребовалось, чтобы отразить нападение мощного противника, американцы, уверенные в своей правоте, будут сражаться до полной победы», — заявил президент.

Он предложил проголосовать за декларацию об объявлении войны Японии, которая была принята единогласно. Небезынтересно, что Черчилль опередил своего американского союзника: Великобритания официально вступила в войну против Японии на несколько часов раньше.

Одиннадцатого декабря войну Соединенным Штатам объявила Германия. Выступая в этот день в рейхстаге, Гитлер не мог отказать себе в удовольствии посвятить большую часть речи издевательствам над Рузвельтом — объявил, что «этот человек, поддерживаемый миллионерами и евреями», повинен во Второй мировой войне: «Сначала он побуждает к войне, затем фальсифицирует ее причины, затем фальшиво надевает на себя мантию христианского лицемерия и медленно, но уверенно ведет человечество к войне, не отказываясь призывать Бога в свидетели справедливости своей атаки — в обычной манере старого масона» и т. д. и т. п. В этот же день германский министр иностранных дел И. Риббентроп вручил временному поверенному США в Германии ноту об объявлении войны. Фюрер невольно облегчил задачу Рузвельту, который понимал неизбежность вступления США в войну против Германии, но, учитывая изоляционистские настроения в стране, не желал брать на себя инициативу.

Вслед за этим войну США номинально объявили германские сателлиты: 12 декабря — Румыния, а 13-го — Венгрия и Болгария. К их действиям Рузвельт отнесся с высокомерным юмором — не объявил войну в ответ, а просто поручил Халлу передать их декларации для информации в комитет по иностранным делам конгресса.

Так был положен конец американскому нейтралитету. Теперь США во главе с антинацистски и антимилитаристски настроенным президентом стали воюющей страной, активным членом антигитлеровской коалиции.

В посвященной этому эпохальному событию «беседе у камина» Рузвельт говорил: «Теперь мы тоже участвуем в этой войне. Мы стали воюющей страной в полном смысле этого слова. Все наши граждане — мужчины, женщины, дети — являются участни-

ками самой крупной кампании в американской истории. Нам с вами предстоит делить плохие и хорошие новости, поражения и победы, все превратности военного времени». А закончил он выступление выражением уверенности в победе не только в войне, но и в мире, который за ней последует. Трудно сказать, что имел в виду Рузвельт, говоря о победе в мире. Одно несомненно: американцы восприняли это заявление как выражение надежды на то, что их страна после окончания всемирной бойни станет более процветающей, благополучной и влиятельной, чем в предвоенное время.

Через несколько дней после нападения на Пёрл-Харбор Рузвельту доложили о подвиге летчика Колина Келли из бомбардировочной группы самолетов В-17, расположенной на Филиппинах. Во время боевого вылета Келли серьезно повредил бомбой один из японских кораблей (полагали, что это был крейсер «Натори» или линкор «Харуна», однако в тот день был поврежден только эсминец «Асигари»). На обратном пути бомбардировщик подвергся атаке японской эскадрильи и потерял управление. Пилоту удалось еще какие-то мгновения сохранять высоту, чтобы члены экипажа могли выбраться с парашютами, после чего самолет взорвался и храбрец погиб.

Президент посмертно наградил Келли высшей наградой за воинский подвиг — крестом «За выдающиеся заслуги», а вслед за этим написал письмо будущему президенту США 1956 года с просьбой принять сына Келли в Военную академию в Вест-Пойнте, ту самую, которою окончил его отец. Так Рузвельт показал, что страна не только должна знать и чтить своих военных героев, но и заботиться об их семьях, создавать благоприятные условия для продвижения их детей. (Выполняя этот завет, президент Дуайт Эйзенхауэр в качестве верховного главнокомандующего специальным распоряжением определил Колина Келли-младшего слушателем академии, которую тот успешно окончил в 1963 году и стал служить в вооруженных силах США.)

Рузвельт, как и другие государственные деятели, опасался, что последуют новые японские нападения на Гавайи, а также на Панамский канал и западное побережье США. Тревога возросла в связи с тем, что вскоре после начала войны японская подводная лодка всплыла у тихоокеанского побережья в районе города Санта-Барбара и произвела несколько орудийных выстрелов. Правда, они не причинили вреда, но теперь и власти,

и население ожидали самого худшего. Позже выяснилось, что это было случайное нападение — японские стратеги сочли нецелесообразными подобного рода атаки. Пока же ходили слухи о высадке японских десантов, о секретных радиопередачах с территории США со стратегически важными сведениями, о непонятных огнях на горизонте и т. п.

По указанию президента были приостановлены все поставки по ленд-лизу. Загруженные корабли стояли у причалов, прекратили движение товарные поезда, перевозившие материалы к портам, не отправлялись товары с заводов. Однако уже через несколько дней Рузвельт распорядился возобновить поставки в запланированном объеме, и с января 1942 года они вновь стали расти.

Выступая 12 декабря в конгрессе с докладом о реализации ленд-лиза, президент заявил: «На мировую стратегию держав оси должны ответить такой же всемирной стратегией те страны и народы, которые объединяются, чтобы противостоять агрессии. Поэтому оружие из арсенала демократии следует использовать там, где оно наиболее эффективно. А это значит, что мы должны дать возможность Великобритании, России, Китаю и другим странам, в том числе и в этом полушарии, пользоваться оружием из нашего арсенала с наибольшей пользой для общего дела. Слишком многое поставлено на карту в этой величайшей из войн, чтобы позволить себе пренебречь интересами народов, на которые напал или может напасть общий враг».

Президент давал понять, что, несмотря на начало войны на Тихом океане, он считает главным врагом Германию, победу в Европе — основным фактором глобальной стратегии объединившихся наций, а действия в Атлантике — приоритетными по сравнению с войной на Тихом океане.

Однако негодование американцев в связи с агрессией Японии почти повсеместно превратилось в антияпонскую шовинистическую истерию. Она охватила не только традиционно настроенные против черной и желтой рас крайне консервативные силы, но и либеральную интеллигенцию. 12 февраля 1942 года знаменитый публицист-либерал Уолтер Липман опубликовал во влиятельной популярной газете «Нью-Йорк уорлд», одним из редакторов которой он являлся, статью под заголовком «Пятая колонна на побережье», в которой призывал очистить территории тихоокеанского побережья США, которые могут

очень скоро превратиться в зону боевых действий, от японского населения, ибо оно не имеет права заниматься «своими делами» на поле боя. Однако в основе своей эта истерия была расовой, ибо никто не требовал, например, изоляции американцев немецкого (их численность составляла около шестисот тысяч человек) или итальянского происхождения (последних с оттенком презрения называли народом уличных певцов, а не вояк).

Совершенно фантастические, если не сказать анекдотические, формы принимал этот всеобщий синдром толпы в заявлениях ответственных военных деятелей, буквально потерявших рассудок под влиянием катастрофы в Пёрл-Харборе. Так, командующий войсками на западном побережье генерал Джон Девитт 14 февраля послал Рузвельту рекомендацию об эвакуации всех японцев из штатов Калифорния, Орегон и Вашингтон на том основании, что они «готовы к действиям»: «Тот факт, что никаких актов саботажа не было до сего дня, является особенно беспокоящим и подтверждающим указание, что такая акция будет предпринята». Иначе говоря, именно потому, что пока ничего не произошло, в скором времени что-то обязательно должно произойти! Подобные требования слышались и в конгрессе. Член палаты представителей Джон Рэнкин потребовал изолировать японцев в концлагерях на два поколения, причем разместить отдельно мужчин и женщин, чтобы избежать их естественного воспроизводства.

Распространялись панические слухи о высадке в Мексике японских десантов, намеренных оттуда совершать нападения на авиабазы в Техасе, о подготовке японского сухопутного вторжения то ли в Техас, то ли в Калифорнию, то ли в оба штата одновременно. О подобных настроениях Рузвельту сообщали из разных городов. По телефону об этом рассказывал ему сын Эллиот.

Вместо того чтобы противостоять этому всеобщему пагубному чувству, Рузвельт поддался ему. Результатом стали карательные меры против граждан США японского происхождения — в подавляющем большинстве лояльных, ни в чем не повинных перед американским народом.

Правда, директор ФБР Гувер, обычно преувеличивавший опасности, которые угрожали внутреннему спокойствию страны, на этот раз был весьма сдержан. Он доложил президенту об отсутствии данных, свидетельствующих о возможности подрывных действий со стороны проживающих в США японцев.

Тем не менее 19 февраля 1942 года Рузвельт подписал чрезвычайное исполнительное распоряжение, разрешавшее военным властям определять зоны выселения опасных лиц и перемещать их туда. Было понятно, что речь шла об американцах японского происхождения, проживавших в основном на западе страны, где, согласно предположениям, существовала вероятность высадки десантов противника. Под действие распоряжения попадало свыше 120 тысяч человек, из них примерно десяти тысячам удалось переехать в другие районы США, а остальные были заключены в концентрационные лагеря, устроенные в глубине страны, главным образом на территориях индейских резерваций. Эти люди теряли свою собственность, оказывались в антисанитарных условиях, страдали от холода, голодали. Среди заключенных была высокая смертность. В ноябре 1943 года на востоке Калифорнии в местечке Туле Лейк произошел бунт интернированных японцев, которые, вооружившись ножами и палками, убили начальника лагеря и его помощников. Мятеж был жестоко подавлен армейскими частями.

Некоторые члены правительства, особенно Г. Икес, считали принятые меры несправедливыми. Но Рузвельт, явно обуреваемый чувством ненависти на национальной почве, и слышать не хотел об отмене репрессий, хотя должен был убедиться в их полной бессмысленности.

В 1944 году Верховный суд США дважды подтвердил конституционность интернирования, аргументировав свое решение тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость». Только 17 декабря чрезвычайное исполнительное распоряжение было отменено, а с января 1945-го японцы стали постепенно возвращаться к местам постоянного проживания, где обнаруживали, что их имущество расхищено или уничтожено. Приходилось строить жизнь заново. (В 1948 году интернированным была выплачена частичная компенсация за потерю собственности, однако большинство из них так и не смогли полностью возместить убытки. Спустя еще 40 лет президент Рональд Рейган подписал документ, в котором приносились извинения за интернирование, вызванное «расовыми предрассудками, военной истерией и ошибками политического руководства», а каждый из примерно шестидесяти тысяч доживших до этого времени пострадавших получил 20 тысяч долларов компенсации.)

Правда, через некоторое время Рузвельт стал говорить своим сотрудникам, что, возможно, не следовало идти на столь жесткие меры и что он даже жалеет о своем решении, однако это явно был тактический ход. На отмену репрессивных мер он так и не пошел до того времени, когда стала приближаться военная победа над странами агрессивного блока. Это была поистине позорная страница в его президентской деятельности.

Если о репрессиях против американцев японского происхождения Рузвельт скорее всего лицемерно, но все же сожалел, то другой, в полном смысле слова демонстративной акции — «казни» адмирала Ямамото 18 апреля 1943 года — он не стыдился никогда, а наоборот, несколько раз вспоминал о ней с явным удовольствием.

Исороку Ямамото был главнокомандующим Объединенным флотом Японии. В свое время он окончил в США Военно-морской колледж и Гарвардский университет. Этот американский выученик был главным разработчиком операции в районе Пёрл-Харбора, руководил ею и последующими успешными операциями против США и Великобритании. Чтобы поднять боевой дух, адмирал решил лично провести инспекцию войск на Соломоновых островах. 14 апреля 1943 года американская разведка перехватила и расшифровала секретную радиограмму, содержащую детали маршрута Ямамото, включая расписание прибытия на все объекты, а также номера и типы самолетов, на которых он будет передвигаться.

Когда Рузвельту доложили об этом, он попросил министра военно-морских сил Нокса «достать Ямамото». Разумеется, это была чисто военная операция, на которую не требовалось никаких особых санкций. Но Рузвельт решил обставить ее пропагандистской шумихой. Ей было присвоено наименование «Мечь», у генерального прокурора военно-морских сил затребовано обоснование законности действий, а у церковных кругов — разъяснение их соответствия нормам морали. Вслед за этим Нокс передал пожелания президента адмиралу Честеру Нимицу, который и отдал приказ об уничтожении Ямамото. В операции участвовали 18 истребителей против шести японских истребителей и двух бомбардировщиков, в одном из которых слева от пилота сидел адмирал. Он был ранен пулеметным огнем, а его самолет задымился и рухнул в джунгли. Его труп был обнаружен в результате прочесывания джунглей японским спасательным

отрядом. Смерть Ямамото нанесла огромный удар по боевому духу японских войск. Рузвельт, который был весьма уязвлен катастрофой в Пёрл-Харборе и последующими поражениями США на Тихом океане, счел себя удовлетворенным.

После нападения на Пёрл-Харбор в США как воюющем государстве повсеместно осуществлялись меры безопасности. Хотя прямое нападение врага было крайне маловероятным, террористические акты отнюдь не исключались. Была усилена охрана Белого дома: на всех входах установлены укрепленные посты, на окружающую территорию перестали допускать туристов. Посетители, за исключением имевших постоянные пропуска членов правительства и других высших должностных лиц, подвергались тщательному досмотру. По этому поводу Рузвельт даже специально поинтересовался, есть ли в штате охранных постов женщины, чтобы избежать инцидентов с дамами — журналистками, гостями и т. п.

В соседнем здании министерства финансов было оборудовано обширное бомбоубежище, связанное с Белым домом подземным ходом. Президент шутил, что он спустится туда только в том случае, если министр финансов Моргентау согласится сыграть с ним в покер на весь золотой запас США.

В другой раз, продолжая острить, Рузвельт нарисовал жуткую картину: немецкая бомба падает на Белый дом, он сам вместе с вице-президентом, спикером палаты представителей и всеми членами правительства погибает, за исключением министра труда мисс Перкинс, которая таким образом становится первой в истории Соединенных Штатов женщиной-президентом. Это будет совсем в духе Френсис, говорил Рузвельт.

Наружное освещение здания было выключено, а окна занавешены тяжелыми шторами, не пропускавшими свет. Правда, Рузвельт категорически отказался от сооружения на крыше пулеметных гнезд. Зато на соседних зданиях были установлены не только пулеметы, но и зенитные орудия. Сверхбдительные военачальники предлагали также поставить у Белого дома легкие танки, но президент решительно воспротивился этому, как и выставлению по всему наружному периметру резиденции плотной охраны. Только по одному солдату через каждые 100 метров, причем по внутренней стороне ограды, — таково было распоряжение главнокомандующего.

В самом же Белом доме царил обычный распорядок. Появилось только одно изменение: на первом этаже, рядом с залом

дипломатических приемов, было оборудовано обширное помещение — комната карт. Здесь были расположены многочисленные географические карты самого различного масштаба, которые показывали состояние линии фронта на различных театрах военных действий (изменения вносились ежедневно), расположение стратегических объектов в самих США и других странах, движение американских судов в Атлантическом и Тихом океанах и т. д. Здесь Рузвельт обычно проводил совещания с участием высших военных — начальника штаба, командующих армией, флотом и авиацией.

Восемнадцатого декабря 1941 года президент подписал распоряжение о создании Управления гражданской цензуры. В отличие от других стран в США введением ограничений на передачу информации занимались не военные, а гражданские лица. Правда, ссылаясь на зарубежный опыт, американские военные настаивали, чтобы цензура находилась в их руках. Рузвельт, однако, пресек эту инициативу, и цензура осталась сравнительно мягкой.

Директором цензурного управления был назначен Байрон Прайс, исполнительный директор агентства «Ассошиэйтед Пресс», пользовавшийся уважением в журналистских кругах. Пресса считалась с его требованиями, которые исполнялись, как правило, неукоснительно даже тогда, когда казались излишними — например, ограничение передач сводок погоды (сведения о направлении ветра, особенно над побережьем, могли быть использованы японцами — известно, что они запустили с подводных лодок несколько воздушных шаров с бомбами).

Компетенция управления, однако, не распространялась на вооруженные силы, где в рамках отдельных частей действовали свои цензурные службы, также не слишком придирчивые к содержанию писем военнослужащих, которым не разрешалось лишь информировать о своем конкретном местонахождении (город, район) и, разумеется, о вооружении.

Рузвельт и союзники в новых условиях

Американский президент придавал особую важность укреплению союзнических отношений с Великобританией и лично-го взаимопонимания с общепризнанным лидером этой страны Уинстоном Черчиллем. Правда, постепенно Британия стала

превращаться в младшего партнера США, а американские интересы начинали вступать в противоречия с английскими, но оба руководителя тщательно это скрывали. Можно полагать, что их взаимные симпатии были искренними, но за ними, на заднем плане, скрывались конкурентные интересы.

Для закрепления союзнических отношений, разработки совместной стратегии Рузвельт пригласил Черчилля посетить США. Встреча состоялась в декабре 1941-го — начале января 1942 года.

Британский премьер был поселен в Белом доме, там же разместились и его помощники. Бесцеремонные манеры знаменитого англичанина порой коробили Рузвельта, точно так же как Черчилль все еще считал своего партнера по переговорам новичком в политике и идеалистом. Но это не исключало взаимного уважения, симпатии, открытости, которые причудливо переплетались со стремлением и на личном, и на государственном уровнях переиграть друг друга.

Такой настрой ощущали приближенные обоих деятелей. Видимо, в их среде возник анекдот, просочившийся из Белого дома и распространившийся по всей стране. Рузвельту будто бы понадобилось рано утром посоветоваться с Черчиллем. Он позвонил своему гостю и получил согласие на немедленную встречу. Когда его подвезли к апартаментам, в которых расположился Черчилль, и слуга, постучав, открыл дверь, американский президент увидел своего британского партнера стоящим посреди комнаты совершенно голым. Смущенный Рузвельт сделал жест слуге, чтобы тот увез его, но сэр Уинстон воскликнул: «Въезжайте, мистер президент! Премьер-министру Великобритании нечего скрывать от президента Соединенных Штатов!»

Это, конечно, была выдумка, но весьма показательная — демонстрировавшая и открытость, и непринужденность, и в то же время некоторый оттенок высокомерия со стороны слабеющего английского льва. Впрочем, когда Р. Шервуд при случае спросил Черчилля, насколько эта история соответствует истине, тот ответил, что в ней нет ни слова правды, добавив: «Я не мог сделать такого заявления, президент понял бы, что это неправда».

Сын Рузвельта Эллиот отмечал, что поглощавший спиртные напитки в огромном количестве Черчилль постоянно предлагал его отцу поднять бокал, стремясь продемонстрировать свое превосходство по крайней мере в выносливости и здоровье.

На вашингтонских переговорах, получивших кодовое название «Аркадия», обсуждались совместные стратегические планы, организация общего командования, распределение ресурсов.

Рузвельт в самом начале переговоров полагал, что США должны вмешаться в ход военных действий там, где их участие могло бы определить дальнейший ход войны, то есть в Европе. По всей вероятности, с подачи Стимсона и начальника штаба армии Д. Маршалла президент настаивал на сосредоточении основных сил против Германии. Черчилль же настаивал на высадке американских войск в Северной Африке, желательно в Марокко, чтобы англичане, наступая со стороны Египта, встретились с ними, тем самым завершив освобождение африканского побережья, которое могло использоваться для дальнейших действий на юге Европейского континента. Согласие первоначально достигнуто не было. Стороны решили продолжить обсуждение на штабном уровне. Но для этого был необходим совместный орган. В вопросе о его создании Рузвельт добился внушительной политической — точнее, геополитической — победы: было решено разместить Объединенный комитет начальников штабов в Вашингтоне. Это означало, что он будет находиться под постоянным наблюдением и влиянием американского президента. К тому же председателем комитета стал американский генерал Маршалл. Как образно выразился А. И. Уткин, «суровая реальность предстала перед англичанами во всей своей жестокой наготе: западная коалиция будет управляться из Вашингтона».

Рузвельт совершил почти невозможное — дипломатической ловкостью, манерами и изъявлениями дружбы в адрес Черчилля и вообще британцев он перевел стрелки часов на вашингтонское время, сохранив при этом не просто союзнические отношения с Англией, но и согласие с ее весьма своенравным лидером.

В близком будущем возникнут ситуации, когда на первый взгляд победу одерживали стратегические планы Черчилля, а Рузвельт вынужден был с ними соглашаться. Но на самом деле американский президент присоединялся к проектам британского союзника (в частности, в отношении выбора Африки и Италии местами первых крупных ударов по врагу) лишь в тех случаях, когда убеждался, что они не вредят глобальным интересам США.

По всей видимости, Рузвельт согласился с африканским планом Черчилля (правда, в значительно измененном после работы начальников штабов виде), исходя из того, что оттуда

можно будет обеспечить выход к южной части Европы ценой относительно небольших потерь в живой силе и материальных ресурсах, при этом предотвратив захват Северной Африки Германией и получив дополнительного союзника в лице французских вооруженных сил, размещенных в североафриканских колониях Франции.

Рузвельт играл выдающуюся личную роль не только в оформлении антигитлеровской коалиции, но и в формировании пока еще неопределенной, но постепенно насыщавшейся конкретным содержанием организации, которая получила название «Объединенные Нации». Сам термин, взятый из поэмы Джорджа Байрона «Паломничество Чайльда Гарольда», был предложен Рузвельтом и подхвачен Черчиллем. По инициативе президента была обсуждена идея создания многостороннего документа, который подписали бы представители стран, находившихся в состоянии войны с членами агрессивного блока.

В следующие дни велись телефонные переговоры с правительствами двадцати пяти государств (а не двадцати шести, как пишет А. И. Уткин, ибо двадцать шестым были сами Соединенные Штаты), подготавливался текст документа, в него вносились коррективы. Важное уточнение было сделано по настоянию советского Наркоминдела: вместо общих усилий стран, находящихся в состоянии войны с агрессорами, решено было записать: против тех стран, с которыми каждая подписавшая сторона находится в настоящее время в состоянии войны. Причина была понятна: СССР на тот момент с Японией не воевал, и официальный документ не должен был содержать его обязательств включиться в эту войну.

Именно в это время в США прибыл новый советский посол М. М. Литвинов, около десяти лет возглавлявший советское внешнеполитическое ведомство и снятый Сталиным с этого поста перед подписанием пакта с Гитлером. Дело, разумеется, было не в том, что Литвинов, верный сталинский чиновник, выступал против пакта; просто его, еврея по национальности, было неудобно использовать для подписания договора с гитлеровской Германией.

Теперь Литвинов, вроде бы вновь оказавшийся в милости у диктатора, должен был служить живым воплощением верности Сталина союзническим обязательствам с Соединенными Штатами. Рузвельт принял посла тотчас после его прибытия и обсуждал с ним идею и текст исключительно важного многостороннего документа.

В первый день 1942 года в Вашингтоне была подписана Декларация Объединенных Наций. В ней говорилось:

«Правительства, подписавшие сие, ранее присоединившись к общей программе целей и принципов, воплощенной в общей Декларации Президента США и Премьера Великобритании от 14 августа 1941 года, известной под названием Атлантической Хартии, будучи убеждены, что полная победа над их врагами необходима для защиты жизни, свободы, независимости и религиозной свободы и для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других странах и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир, заявляют:

1) Каждое Правительство обязуется употребить все свои ресурсы, военные или экономические, против тех членов тройственного пакта и присоединившихся к нему, с которыми это Правительство находится в войне.

2) Каждое Правительство обязуется сотрудничать с другими Правительствами, подписавшими сие, и не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами. К вышеизложенной Декларации могут присоединиться другие нации, которые оказывают или могут оказывать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом».

Под декларацией поставили свои подписи Рузвельт, Черчилль, Литвинов, министр иностранных дел Китая Сун Цзы вэнь, ведший в это время переговоры в США о предоставлении займа его правительству. Их страны рассматривались как «большая четверка». Вслед за ними документ подписали представители британских доминионов Австралии, Канады, Новой Зеландии, Южно-Африканского союза и колонии Индии (Рузвельту пришлось потратить немало усилий, чтобы уговорить Черчилля согласиться на участие Индии — ведь это юридически уравнивало ее с доминионами), девять стран Центральной Америки и Карибского бассейна, восемь находившихся в изгнании правительств оккупированных европейских государств. В 1942–1945 годах к Декларации Объединенных Наций присоединилась еще 21 страна.

Новым выражением решимости стать в полном смысле слова «арсеналом демократий» стало послание президента «О положении страны», с которым он выступил на объединенном заседании обеих палат конгресса 6 января 1942 года.

Это было его первое послание в условиях, когда США воевали. Военному противостоянию оратор придал не просто идеологический, а морально-эпический характер: «Этот конфликт не в состоянии окончиться компромиссом. Между добром и злом вообще не может быть удовлетворительного компромисса. Только полная победа будет достаточна тем, кто выступает за терпимость, достоинство, свободу и веру».

Однако эти этические принципы, реализация которых была бы не чем иным, как завершением войны на основе полной капитуляции агрессоров, дополнялись весьма впечатляющими наметками грандиозного развития американской военной экономики, которую Рузвельт назвал «программой победы». Давно ли его слова о производстве 50 тысяч самолетов в год воспринимались как откровенная утопия? Теперь же речь шла о выпуске в 1942 году 60 тысяч самолетов и сборке 45 тысяч танков, а в 1943-м — соответственно 125 тысяч и 75 тысяч. Водоизмещение спускаемых на воду военных кораблей определялось на эти же годы в шесть и десять миллионов тонн. Это были грандиозные планы, для реализации которых необходимы были огромные капиталы, столь же гигантские производственные мощности, рабочая сила миллионов людей. «Я очень надеюсь, — говорил Рузвельт спокойным, размеренным тоном, — что все цифры, которые я привел, будут усвоены населением Германии и Японии».

Американский президент обращался здесь именно к населению, а не к правителям агрессивных держав, предупреждая, что наказание понесут не только главари преступных шаяк, но и народы, которые допустили к власти политических бандитов, если у них не найдется смелости и сил низвергнуть тех в пропасть.

Рузвельт тогда, разумеется, не знал, в какие конкретные формы воплотится его предостережение: в ковровые бомбардировки Берлина, Гамбурга, Дрездена и Токио, в атомные бомбы, низвергнутые на Хиросиму и Нагасаки.

По инициативе Рузвельта в том же январе был образован Совет военного производства, являвшийся, по существу дела, центральным государственным хозяйственным органом, обладавшим правами принимать решения, обязательные для исполнения не только всеми государственными, но и частными организациями. В него наряду с уполномоченными администрациями вошли представители крупнейших корпораций Форда, Моргана, Рокфеллеров. Частное промышленное производство,

включая деятельность крупнейших корпораций, частный капитал, вся предпринимательская активность страны оказались под строжайшим государственным контролем.

Американцы мирились с таким положением, сознавая, что трудятся на войну, во имя выживания нации и в то же время во имя усиления позиций своей страны в мире. Немалую роль в воспитании такого сознания играл авторитет президента Рузвельта.

Хотя «программа победы» была выполнена далеко не полностью, перевод экономики США на военные рельсы завершился к концу 1942 года. Уровень производства по сравнению с аналогичным средним показателем за 1935–1939 годы составил в мае 1942-го 191 процент, а в четвертом квартале — 219. Основные расходы взяло на себя государство, покрывая их за счет увеличения налогов, выпуска государственных займов, сокращения госаппарата, экономии на зарплате. В то же время нельзя не отметить, что высокая доходность военного производства обеспечила добровольный перевод предприятий на выпуск вооружения и боевой техники. Число рабочих увеличилось за счет безработных, женщин и подростков. Весной 1942 года в военной промышленности было занято 7–9 миллионов человек, летом — более 12, а осенью — 15 миллионов.

При всем своеобразии положения Соединенных Штатов, находившихся вдалеке от театров военных действий, они участвовали в войне, и с этим приходилось считаться всем гражданам страны. В военное производство вкладывались не только средства частных фирм, но и государственные ресурсы. В 1941–1942 годах было построено около 1600 новых военных заводов. Естественно, это требовало больших расходов, которые оказывали немалое воздействие на уровень жизни населения. Разумеется, американцам не приходилось голодать, работающие получали более или менее адекватную компенсацию за свой труд. Однако приходилось и более напряженно трудиться, и потуже затягивать пояса.

Последнее было, впрочем, весьма относительным. В апреле 1942 года президент подписал исполнительное постановление о введении нормированного распределения основных продуктов потребления и контроле над ценами. Не привыкшие к ограничениям американцы несколько нервозно восприняли эту новацию, хотя серьезно ей не сопротивлялись. Столь же незнакомая с нормированием потребления бюрократия вносила немалую путаницу, пока все постепенно не наладилось.

В результате со второй половины 1942 года американцы получали товарные книжки с отрывными талонами, на которые в любой комбинации можно было купить основные продукты питания, а также некоторые виды одежды и обуви по установленным ценам. Нормы были вполне достаточными для удовлетворения первоочередного спроса, а роскошествовать простым людям не удавалось и ранее. Лишь на некоторые продовольственные и промышленные товары были установлены более жесткие ограничения, например на сахар, поставки которого из Латинской Америки резко сократились. В 1942 году в среднем на одного американца (нормы были различными для разных категорий граждан) приходилось полфунта сахара в неделю, то есть около килограмма в месяц, что не так уж и мало.

Богачи же от этих ограничений не очень страдали, поскольку продолжали функционировать магазины и рестораны, в которых осуществлялись свободная продажа и обслуживание по ценам в три-четыре раза выше нормированных. О том, насколько условными были ограничения, введенные по распоряжению Рузвельта, свидетельствует взрыв негодования, вызванный его дополнительным указанием об ограничении потребления кофе.

Большинство населения мирилось с этими сравнительно небольшими ограничениями, связанными с трудностями военного времени. Находились, однако, и демагоги, которые призывали воспользоваться экономическим бумом для того, чтобы путем забастовок и других недопустимых во время войны акций выторговать сохранение или даже повышение жизненного уровня.

Обращаясь к американцам 28 апреля 1942 года, Рузвельт познакомил слушателей с представленной им накануне конгрессу программой «семи пунктов», ставившей целью недопущение роста стоимости жизни: удержание прибыли на «разумно низком уровне», установление потолка цен, стабилизация заработной платы и цен на сельхозпродукты, выпуск новых облигаций военного займа, нормирование потребления дефицитных товаров, сокращение торговли в рассрочку и стимулирование погашения долгов и залладных. Президент был тверд:

«Мы не допустим, чтобы нам помешали те, кто ставит свои интересы выше интересов нации.

Мы не допустим, чтобы нам помешали те, кто честную критику подменяет фальсификацией фактов...

Но прежде всего мы не допустим, чтобы нашему делу угрожала горстка крикливых изменников — предателей Америки и самого христианства, которые, мня себя будущими диктаторами, в душе уже капитулировали перед гитлеризмом и хотели бы, чтобы вся наша республика последовала их примеру».

В центре внимания Рузвельта по-прежнему находились вопросы коалиционной стратегии. Особо важными в этом смысле были взаимоотношения с СССР, продолжавшим тяжелейшую борьбу с врагом. 1942 год оказался для Советского Союза особенно тяжелым. После разгрома немцев под Москвой и краткосрочного зимнего наступления Красной армии противник вновь овладел стратегической инициативой. Советские войска в Крыму и под Харьковом потерпели тяжелые поражения, началось немецкое летнее наступление на Сталинград и Северный Кавказ. В преддверии этих событий нарком иностранных дел В. М. Молотов, с началом войны уступивший пост председателя правительства Сталину и считавшийся на Западе вторым после него человеком в советском руководстве, в мае-июне побывал в Лондоне и Вашингтоне. Ему были поставлены главные задачи: добиться открытия второго фронта в Западной Европе в 1942 году, а также подписать с Великобританией и США договоры, в частности, признававшие границы СССР 1940 года, включавшие Литву, Латвию, Эстонию, Бессарабию и Северную Буковину.

В Вашингтон нарком прибыл 29 мая. Ему была оказана большая честь — он был поселен в Белом доме, в том самом помещении, где останавливался Черчилль. Начало переговоров однако не сулило успеха. Рузвельт поставил вопрос о поиске посредников для достижения советско-германской договоренности о гуманном обращении с военнопленными. Молотов по понятным причинам сухо отвел эту тему: советских военнопленных Сталин и его приближенные считали предателями, отказывались от всех посреднических предложений Международного Красного Креста, в то время как в лагерях гибли миллионы граждан СССР.

Американский президент не мог не знать обо всем этом. Создается впечатление, что сама постановка вопроса о военнопленных была проверкой Молотова. Советский нарком проявил к судьбе своих пленных соотечественников такое же равнодушие, как и его хозяин. Рузвельт, чтобы уязвить собеседника, но, разумеется, в рамках дипломатического этикета, посетовал на проблемы с американскими военнопленными в Японии: их кормят

по нормам питания японских солдат, а это «форменный голод для любого белого человека». И на это замечание Молотов не прореагировал. Рузвельт был вынужден перевести переговоры в иную плоскость, а вслед за этим беседа вообще была прервана.

Однако на следующий день переговоры протекали в значительно более благоприятном для советской стороны духе. Вопрос, можно ли рассчитывать на открытие второго фронта в Европе в текущем году, был переадресован Маршаллу. Тот без обиняков ответил на него утвердительно, а Рузвельт подтвердил слова генерала.

Казалось бы, президент и начальник штаба армии действовали в унисон. Но была одна тонкость — Рузвельт оставлял для себя возможность отказаться от обещания, сославшись на недостаточно компетентную оценку ситуации военными экспертами.

В коммюнике о пребывании Молотова в Лондоне и Вашингтоне, опубликованном 12 июня, было сказано: «При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Молотов, видимо, не заметил тонкости — речь не шла об обязательстве США.

Важное место в переговорах занял вопрос о поставках по ленд-лизу. Молотов увязал поставки в один узел с открытием второго фронта в Европе. Раздосадованный Рузвельт в начале попытался отвязаться американской поговоркой, что нельзя одновременно есть пудинг и хранить его, но вскоре пошел навстречу, заверив московского визитера, что поставки будут продолжаться, а тем временем американские и английские военные приступят к решению практических вопросов подготовки к открытию второго фронта.

В присутствии Рузвельта и Молотова было подписано советско-американское соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Под соглашением с таким мудреным названием (оно было изобретено американской стороной, чтобы избежать формы союзного договора) поставили подписи Литвинов и Халл. Советская сторона, таким образом, столь же мелочно взяла реванш — документ завизировал не нарком иностранных дел, хотя он присутствовал при этом, а посол.

В соглашении указывалось на предстоящую активизацию взаимопомощи. США обязались снабжать СССР «теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки

разрешил передавать или предоставлять», а правительство СССР заверяло, что оно «будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей». Хотя в принципе ничего нового в документе не было, его подписание способствовало укреплению антигитлеровской коалиции.

Во время бесед с Рузвельтом Молотов, между прочим, рассказывал о своем визите в Берлин в ноябре 1940 года, о встречах с Гитлером и Риббентропом. «Это два самых несговорчивых человека», — говорил он, видно, не припоминая, что его самого за упрямство и несговорчивость, а также за усидчивость и работоспособность даже в высшем большевистском кругу называли «каменной задницей».

Президент закончил последнюю встречу с Молотовым здравницей в честь Сталина, добавив, что ожидает встречи с ним.

Едва завершился визит высокого советского чиновника, как Рузвельт встретился с новым гостем, еще выше рангом — 18 июня в Вашингтон вновь прибыл Черчилль. На этот раз президент принимал сэра Уинстона в родном Гайд-Парке, куда тот прилетел на следующий день. Рузвельт, казалось, получил холодный душ — английский премьер решительно отверг план высадки в Западной Европе в 1942 году, заявив, что Великобритания не будет готова к ней в такой краткий срок.

На самом деле этот ответ был ожидаемым и, более того, желаемым, ибо в американских военных все более серьезное место занимали североафриканские колонии Франции, постепенно выкристаллизовываясь в четкую стратегическую конструкцию.

Дальнейшее американское участие в войне Рузвельт обдумывал в своей новой летней резиденции, строительство которой началось в 1939 году и завершилось летом 1942-го, в соседнем с Вашингтоном округе Фредерик штата Мэриленд, в густом лесу у подножия горы Катоктин в Аппалачах, вдали от шумных городских улиц и неизбежных старых знакомых, которых по многолетней традиции приходилось принимать и посещать их в Гайд-Парке.

Собственно говоря, именно потому, что в родном городке больше не было родственников, что это место если и не стало чужим, то постепенно становилось менее приятным и удобным для отдыха, президент дал указание о строительстве новой летней

резиденции. Важным ее удобством стала близость к столице (два часа езды на автомобиле). По сути, это было жилище на уровне среднего класса, состоявшее из нескольких небольших зданий, соединенных дорожками; президентский дом имел четыре спальни, гостиную со столовой и служебные помещения. Отличие от многих других обиталищ такого рода состояло в том, что охранялось оно как важнейший военный объект: было обнесено двойным забором с контрольно-следовой полосой и имело линию правительственной связи высшей степени секретности.

Рузвельт придумал наименование своей новой резиденции — «Шангри-Ла» — по названию сказочной страны из когда-то понравившегося ему романа английского писателя Джеймса Хилтона «Потерянный горизонт» (1933). В нем описывалась чудесная высокогорная долина в Тибете, где мирно сосуществуют люди, животные и растения. «Шангри-Ла» стало нарицательным обозначением страны вечного блаженства, мира и покоя. В мае 1943 года новая резиденция приняла первого иностранного гостя — премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля. Рузвельт установил новую политическую традицию и активно приглашал «на дачу» иностранных лидеров, дабы пообщаться с ними в неформальной обстановке.

Первая поездка в Шангри-Ла состоялась летом 1942 года. Вместе с несколькими близкими людьми, секретарем Грейс Тулли и сотрудниками службы безопасности Франклин и вся компания на нескольких автомобилях (с измененными номерами, чтобы не быть узnanными) отправились в недолгий путь, останавливаясь перед светофорами, разглядывая окрестные поселки и любуясь красотами горной природы. Прибыв на место, Рузвельт особое внимание уделил развешиванию картин — он сам, сидя в кресле, руководил этой работой, подчас привередливо требуя изменить их расположение.

Спустя неделю президент возвратился к исполнению официальных обязанностей в душном и влажном Вашингтоне.

В сентябре того же года Рузвельт вместе с женой совершил сравнительно длительную — двухнедельную — поездку по стране. Он побывал в городах, где концентрировалось производство танков, самолетов, кораблей, — в Детройте, Чикаго, Портленде, Сиэтле, Сан-Диего, Новом Орлеане и других, беседовал с рабочими и администраторами. Президент посетил также военные лагеря, где наблюдал подготовку солдат к грядущим военным операциям.

Все перемещения президентского поезда происходили в обстановке величайшей секретности, главным образом ночью. Властям штатов поступала информация о предстоявшем приезде главы государства лишь за несколько часов до прибытия. В городе Уиллоу-Ран в штате Мичиган Рузвельт вместе со своим старым недоброжелателем Генри Фордом, владельцем огромных предприятий, ранее производивших автомобили, а теперь вдобавок танки и самолеты, с удовлетворением наблюдал за работой не только мужчин, но и женщин на одном из фордовских заводов, где его шумно приветствовали рабочие.

Президент вынужден был отдать должное Форду и его администрации. Размеры цеха, в котором шло конвейерное производство самолетов, были таковы, что Рузвельт, двигаясь в автомобиле, мог наблюдать весь процесс от разгрузки алюминиевых листов до схода готового самолета с другого конца конвейера. Форд добился невиданного результата — его заводы выпускали в день 100 самолетов. Посетивший то же предприятие Черчилль был настолько потрясен, что заявил: «Если бы Гитлер увидел Уиллоу-Ран, он тут же перерезал бы себе горло».

Президента тепло встречали и в других местах — не только из патриотических чувств. Ему были благодарны за программу военного производства, давшую работу миллионам людей. (Послевоенные опросы показали, что не менее чем у 65 процентов американцев за годы войны повысился жизненный уровень.)

Своими впечатлениями президент поделился с радиослушателями в беседе 12 октября. Отметив возрастание доли женского труда на предприятиях оборонной промышленности, совершенствование распределения материальных ресурсов, он говорил о необходимости дальнейшей напряженной работы на «внутреннем фронте» и в то же время об увеличении вооруженных сил, в частности путем снижения призывного возраста с двадцати до восемнадцати лет. Рузвельт ненавязчиво напоминал американцам, что его дети выполняют свой патриотический долг: «Я очень хорошо понимаю чувства родителей, чьи сыновья поступили на военную службу. Мы с моей женой чувствуем то же самое». Действительно, к этому времени Эллиот служил в авиации, Джеймс — в морской пехоте, Франклин и Джон — в военно-морском флоте.

Рузвельт завершил это выступление постановкой задачи не просто разгромить Германию, Японию и Италию, но и создать такие условия, чтобы «и долгое время спустя они не могли

угрожать нам или какой-нибудь другой стране из числа Объединенных Наций». Таким образом, задумывалась международная организация безопасности, основной целью которой должно было стать недопущение повторения агрессии.

Между тем приближалось осуществление операции «Торч» («Факел») — высадки в Северной Африке американских и английских войск под командованием генерала Эйзенхауэра, целями которой было освобождение французских колоний на африканском побережье, установление контроля над Средиземным морем и подготовка к высадке в Европе в 1943 году. В составе семидесятитысячной американской армии находился Франклин-младший — комендор на одном из эсминцев.

Получив вечером 7 ноября от военного министерства информацию о том, что операция началась успешно, Рузвельт тотчас же произнес по радио две речи. В одной он сообщил соотечественникам новость, которая была воспринята как открытие второго фронта, хотя президент и не употреблял этого термина. Во втором выступлении, обращенном к французскому народу, американский президент заверял французов, что как только немцы и итальянцы будут изгнаны, американские и английские войска немедленно покинут территории, принадлежавшие Франции.

Между тем во французских североафриканских владениях, где разворачивалось наступление, наматывался весьма запутанный клубок противоречий, конфликтов и сотрудничества противоположных политических сил. На сторону англо-американцев перешел вишистский адмирал Дарлан — один из ближайших сообщников «главы государства» Анри Филиппа Петена и Пьера Лаваля, ставшего в апреле 1942 года премьером. На руководство администрацией претендовал руководитель движения «Сражающаяся Франция» генерал Шарль де Голль. Президент США балансировал, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому. В отношении к де Голлю сказался явный субъективизм Рузвельта — ему крайне не нравились самостоятельность и твердость французского эмигранта, который вел себя так, будто управляет великой державой. Рузвельт называл его «капризной невестой» и с раздражением предлагал Черчиллю направить строптивного генерала губернатором на Мадагаскар. Британский премьер разделял неприязнь Рузвельта к «высокомерному французу», отзываясь о нем как о «вздорной личности, возмнившей себя спасителем Франции».

Недавно были открыты секретные британские архивы и выяснилось, что Черчилль даже направил из Вашингтона в Лондон шифровку: «Я прошу моих коллег немедленно ответить по поводу того, сможем ли мы, не откладывая этот вопрос, устранить де Голля как политическую силу... Лично я готов отстаивать эту позицию в парламенте и могу доказать всем, что французское движение Сопротивления, вокруг которого создана легенда о де Голле, и он сам — человек тщеславный и зловредный — не имеют ничего общего... Поэтому, исходя из наших жизненных интересов, которые заключаются в сохранении добрых отношений с Соединенными Штатами, мне представляется недопустимым позволять впредь этому склочному и враждебному нам человеку продолжать творить зло». Далее сэр Уинстон обосновывал свое отношение к де Голлю (следует заметить, что именно Рузвельт снабжал его компроматом, поставляемым американскими спецслужбами) его диктаторскими замашками, стремлением за спиной союзников сговориться с Москвой и сепаратным образом «уладить дела с Германией». Француз якобы благоволил к СССР, а Сталин предлагал ему перенести резиденцию из Лондона в Москву.

Однако игра Рузвельта встретила сопротивление британского кабинета, ответившего своему премьеру: «Вполне вероятно, что де Голль как человек на самом деле весьма далек от той идеализированной мифической фигуры, которую видят перед собой французы. Однако надо отдавать себе отчет в том, что любые пропагандистские усилия с нашей стороны против де Голля не убедят французов, что их идол — на глиняных ногах. Более того, мы рискуем допустить совершенно неоправданное с любой точки зрения вмешательство в сугубо внутренние дела французов, и нас просто-напросто обвинят в стремлении превратить Францию в англо-американский протекторат».

Дальнейшее развитие событий заставило Черчилля резко изменить отношение к де Голлю в лучшую сторону, что в некоторой степени повлияло и на позицию Рузвельта, согласившегося, наконец, встретиться с лидером «Сражающейся Франции», хотя, по словам К. Халла, президент все еще считал, что «Франция определенно не станет снова перворазрядной державой (по крайней мере в течение следующих двадцати пяти лет)».

В конце концов накануне открытия второго фронта де Голль был приглашен в США на встречу с президентом. Внешне

она выглядела торжественно. Рузвельт обратился к генералу по-французски. Последовали всевозможные церемонии, увенчавшиеся сообщением, что президент США признает Французский комитет национального освобождения фактической законной администрацией Франции. И хотя Рузвельт сохранял известную сдержанность и демонстрировал генералу снисходительность, взаимоотношения стали постепенно входить в нормальное русло.

Тем временем, по мнению Рузвельта, «арсенал демократий» развивался эффективно. Американская промышленность выпустила в 1942 году 48 тысяч военных самолетов (как видим, все же не достигнув намеченной Рузвельтом цифры — 60 тысяч), водоизмещение флота составило восемь миллиардов тонн. На следующий год Рузвельт предложил рекордный госбюджет — 100 миллиардов долларов, что на четверть превышало предыдущий.

По инициативе или с одобрения президента разворачивались ширококомасштабные научные исследования в области создания новейших видов вооружений. Весной 1942 года он подписал распоряжение о создании Объединенного комитета по новым видам оружия и оборудования, который обеспечивал все необходимое для ведения изысканий: богато оснащенные лаборатории, полигоны и т. п. В сотрудничестве с мощной нефтяной корпорацией «Стандард ойл оф Нью-Джерси» ученые Гарвардского университета на базе бензина и одного из видов стирального порошка создали горючее вещество страшной силы — напалм, который на заключительном этапе войны был использован при бомбардировках городов Японии.

В ходе работ над ракетным оружием, которые в США проводились еще с 1930 года, на Абердинском испытательном полигоне в штате Мэриленд (недалеко от загородной резиденции Рузвельта Шангри-Ла) был создан, в 1942 году испытан, запущен в производство и затем поставлен на вооружение ручной противотанковый безоткатный гранатомет, получивший название «базука».

Огромное значение для ведения войны представляли, наряду с вооружениями, новые стратегические материалы, которые в мирных условиях применялись почти исключительно в быту. Таковым был, например, нейлон — искусственная ткань, созданная в 1930-х годах химиками концерна Дюпона. Еще до войны появились нейлоновые чулки, зубные щетки и т. п. В военное время нейлон был объявлен материалом стратегического значения

и пущен на пошив парашютов, тентов, военного обмундирования и походных рюкзаков.

Впрочем, даже нейлоновые чулки использовались для укрепления обороноспособности. Голливудские звезды, чтобы собрать средства для военных нужд, стали выставлять их на благотворительных аукционах. На одном из них цена чулок актрисы Бетти Грейбл подскочила до 40 тысяч долларов. То, что американки по талонам могли купить только шесть пар нейлоновых чулок в год, ситуацию с «чулочной эйфорией» не меняло: в теплую погоду дамы чулок не носили, а покрывали ноги светло-коричневой краской, которую немедленно запустили в производство косметические фирмы.

Программы ленд-лиза не только оказали огромное влияние на увеличение производства продовольственных товаров, но и привели к технологической революции в обработке пищевых продуктов. Необходимо было, чтобы отправляемое за границу продовольствие занимало на кораблях как можно меньше места. Так стала развиваться технология сублимирования (обезвоживания) продуктов при сохранении их питательной ценности. Появились высушенные овощи, яичный и молочный порошки; производство последнего в 1940–1943 годах выросло в 20 раз.

Постепенно приобретал более четкие очертания проект работы в области атомной энергии, получивший название Манхэттенского. В августе 1942 года его еще сильнее засекретили и сконцентрировали. Рузвельт знал, что аналогичные работы интенсивно ведутся в Германии, и опасался, что немецким физикам удастся опередить американцев.

Распоряжением президента на Манхэттенский проект были брошены огромные силы и средства. Было построено около сорока испытательных установок в одиннадцати штатах, а также в Канаде, с которой США секретно сотрудничали в этой области. Ответственным за проект в сентябре 1942 года был назначен бригадный генерал (затем генерал-лейтенант) Лесли Гровс, а его научным руководителем — физик-теоретик, профессор Калифорнийского университета в Беркли, член Национальной академии наук США с 1941 года Роберт Оппенгеймер. Рузвельт лично поддерживал связь с Оппенгеймером. 29 июня 1943 года президент напомнил ему о необходимости не дать Германии возможности обогнать США в деле создания атомного оружия. Впрочем, для такого внушения необходимости не было — Оппенгеймер и другие ученые прилагали все силы для скорейшего выполнения проекта.

Президент рано осознал, что атомное оружие явится не только мощным средством решения чисто военных проблем грандиозного противостояния, но и средством, которое можно будет эффективно использовать в решении вопросов послевоенного мира. Он полагал, что угроза применения атомной бомбы может оказаться более эффективной, чем возможности международного сотрудничества.

Имея это в виду, он стремился не допустить распространения информации об американских работах, причем его особенно волновало, чтобы о них не стало известно в СССР, поскольку опасался, что в руках Сталина атомное ядро может стать средством захвата соседних с СССР стран с перестройкой большей части Европы и Азии по советскому образцу. Исполнительный генерал Гровс быстро понял намерения своего главнокомандующего. Он писал: «Через две недели после того, как на меня было возложено руководство проектом, я полностью лишился иллюзий в отношении того, является ли Россия нашим другом, в частности в отношении информации о проекте».

С санкции Стимсона, который во всех случаях консультировался с президентом, были избраны наиболее засекреченные места проведения исследований: Оук-Ридж в штате Теннесси, Лос-Аламос в штате Нью-Мексико, Хэнфорд в штате Вашингтон.

Гровс одновременно руководил разведкой работ над атомным оружием в Германии, прилагал все усилия для недопущения проникновения германских шпионов в лаборатории. Он установил многократную перекрестную проверку всех занятых в проекте. По указанию Рузвельта атомный проект финансировался зашифрованными статьями различных разделов бюджета, чтобы ни наиболее хитроумные конгрессмены, ни искушенные аналитики, ни тем более вражеские шпионы не могли догадаться, на что в действительности расходуются огромные средства.

Тем не менее Гровсу не удалось предотвратить проникновение советской разведывательной сети в святая святых Манхэттенского проекта.

В наиболее крупный атомный центр в Лос-Аламосе, расположенный в отдаленной лесной местности к северо-западу от столицы штата Санта-Фе, удалось внедриться, в частности, коммунисту Джулиусу Розенбергу, сотрудничавшему с советской разведкой с 1938 года. Он привлек свою жену Этель, шурина Дэвида Грингласса и невестку Рут. Грингласс, сержант амери-

канской армии, работал механиком в Лос-Аламосе. Розенберг уверил его, что речь идет не о примитивном шпионаже, а об обмене научными сведениями с союзной страной. В результате Розенберги получили чертежи атомной бомбы, которые через связника, химика Гарри Голда, передали советской стороне. Обо всем этом американским властям стало известно только через пять лет после кончины Рузвельта, который понятия не имел, что столь тщательно оберегаемые им и его сотрудниками секреты атомного оружия доставались СССР.

Можно полагать, что советская добыча была бы значительно большей, если бы по распоряжению Рузвельта администрация не ограничила до предела круг лиц, которым была доступна информация. Президент получал доклады только от Стимсона и Гровса. Даже начальник штаба армии Маршалл и вице-президент Уоллес знали об атомном проекте лишь в самых общих чертах.

В то же время с Черчиллем Рузвельт детально обсуждал военные и политические аспекты атомной проблемы. Их переговоры вступили в конкретную стадию на встрече в Вашингтоне в мае 1943 года. К этому времени Рузвельт пришел к выводу, что, несмотря на стремление сохранить монополию на атомное оружие, когда оно будет, наконец, создано, политически целесообразным будет поделиться этим секретом с англичанами, которые (и прежде всего Черчилль) должны были по достоинству оценить щедрость партнера, не говоря уже о том, что в самой Англии был немалый научный потенциал, который можно было включить в реализацию Манхэттенского проекта. В Вашингтоне Рузвельт договорился с Черчиллем об обмене информацией по этому вопросу.

А через три месяца, вновь встретившись, на этот раз в Квебеке, президент и премьер-министр подписали секретное соглашение. Оно предусматривало, что стороны никогда не будут использовать атомное оружие друг против друга и против третьей стороны без согласия партнера, а также сообщать атомные секреты другим странам без взаимного согласия. Стороны договорились, что общую политику обеих стран в этой области будет определять американский президент, наметив создать в Вашингтоне Объединенный комитет по вопросам атомной политики.

Американскому приоритету помогло то обстоятельство, что Рузвельт оказался значительно более прозорливым, чем Гит-

лер. Фюрер был недоволен, когда министр вооружений Шпеер доложил ему, что для создания атомного оружия понадобится три-четыре года — такой срок он счел чрезвычайно долгим (или понимал, что Германия, находившаяся на пределе своих возможностей, не располагает таким временем). В результате в июне 1942 года Гитлер распорядился резко сократить исследования в области атомного оружия, а высвободившиеся средства направить на создание двигателей нового типа для танков и подводных лодок. Благодаря тому, что Рузвельт разглядел в атомной бомбе не только оружие непосредственного действия, а могущественное средство устрашения, именно США оказались пионерами в этой области. Хотя, конечно, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов заслуги ученых, организаторов производства, всех тех, кто имел отношение к Манхэттенскому проекту, решающее слово оставалось за президентом, и он неизменно произносил его в подтверждение своей решимости сделать все возможное для того, чтобы секретами атома овладела именно его страна.

В конце 1944 года, когда работы над атомным оружием вступили в заключительную фазу, Рузвельт лично занялся вопросом о его практическом применении. Он, движимый не только военно-политическими интересами, но и эмоциями, решил, что объектом атаки станут Японские острова — враг должен был понести наказание за Пёрл-Харбор и последующие агрессивные действия. 30 декабря состоялась встреча со Стимсоном, на которой было решено начать подготовку летчиков 509-й группы бомбардировщиков В-29 для боевого применения нового оружия. Президент понимал, что подготовка должна быть не только чисто военной, но и психологической, ибо скорее всего речь будет идти о десятках тысяч жертв среди мирного населения. Определены были и города Японии, которые станут объектами бомбардировок. Рузвельту был представлен список, включавший Хиросиму, Нигату, Нагасаки, Кокуру и Киото. По рекомендации советников древняя японская столица, всемирный культурно-религиозный центр Киото был исключен из списка.

Мир все ближе подходил к началу атомной эры.

В период войны сохранялись, а порой и усложнялись внутренние проблемы страны. Социальные противоречия порой приобретали не просто конфликтный, а антагонистический характер, часто сопровождаясь стремлением нажиться на войне. Такая тенденция существовала со стороны не только большого

бизнеса, но и противоположного лагеря — организованного рабочего движения.

Особенно агрессивным был Объединенный профсоюз шахтеров, насчитывавший в 1943 году около четырехсот тысяч членов. В начале года произошел ряд местных стачек горняков, выдвигавших требования повышения заработной платы, улучшения техники безопасности и главное — введения шестичасового рабочего дня. В апреле председатель объединения горняков Джон Льюис призвал к общенациональной забастовке с теми же лозунгами — и это в условиях военного времени, когда американские войска сражались на Тихом океане и в Северной Африке, США готовились к участию в битвах на Европейском континенте, а внутри страны все средства и человеческие силы сосредоточивались на снабжении армии и помощи союзникам.

Рузвельт был возмущен поведением лидеров горняков, фактически подзуживавших рабочих на саботаж. Вспоминая, на какие уступки организованному рабочему движению он пошел в предвоенные годы, президент с полным основанием полагал, что тяготы войны должны нести все слои населения. Но он вынужден был сдерживать свои эмоции.

Второго мая 1943 года Рузвельт посвятил свою «беседу у камина» именно этому вопросу. Внешне спокойно, но с огромным внутренним напряжением он говорил о своей только что завершившейся инспекционной поездке по двенадцати штатам, о встречах с рабочими, фермерами, солдатами. Президент признавал: «Рабочие — мужчины и женщины — безропотно выносят долгие смены на трудной работе, терпят тяжелые условия жизни» — и при этом напоминал, что после нападения японцев на Пёрл-Харбор оба ведущих профобъединения — АФТ и КПП — провозгласили, что отказываются от забастовок до полной победы. Среди тех, кто дал это обещание, был и председатель Объединенного профсоюза шахтеров. Теперь же обещание нарушено и ответственность за кризисное положение лежит именно на руководителях профсоюзного объединения, а не на рядовых горняках. Рузвельт сообщил о чрезвычайных мерах, которые вынужден был принять: накануне он отдал распоряжение о взятии шахт под правительственное управление. Президент призвал шахтеров вернуться к работе, приводя в пример солдат и матросов, подлинных героев. «Они знают, как важно для сотен тысяч, а в конечном итоге — для миллионов других молодых

американцев, чтобы самое лучшее вооружение как можно скорее попало в руки наших военных частей». «Уголь будет добываться, — твердо заявлял Рузвельт, — независимо от того, кто и что об этом думает... Невозможно себе представить, чтобы хоть один шахтер, если он патриот своей страны, не вернулся к работе, к добыче угля, а вместо этого занял какую-то особую позицию».

Это обращение, сделанное, как обычно, спокойным голосом, но весьма конфликтное по внутренней тональности, Рузвельт завершил на оптимистической и вместе с тем угрожающей ноте, изложив свою демагогическую патриотическую аргументацию высоким штилем: «Завтра над каждой шахтой будет поднят звездно-полосатый флаг, и я верю, что под этим флагом ни один шахтер не откажется работать». Под таким мощным давлением всеобщая стачка шахтеров была отменена.

<...>

Франклин Делано Рузвельт, с жизненным и политическим путем которого читатель завершает знакомство, был, как мы убедились, человеком не просто неординарным, а имевшим постепенно выработанные на пути к высшей власти две взаимосвязанные и в то же время глубоко противоречивые стороны личности, характера и поведения. С одной стороны, он предстает перед нами обладателем определенных идеалов, придерживавшимся протестантской веры, имевшим твердую убежденность в справедливости идей демократии, политического и гражданского равенства всех американцев (с той оговоркой, что чернокожих необходимо к такому равенству готовить, а для этого понадобится немалое время), незыблемости частной инициативы, честного перед законом, людьми и Богом предпринимательства, личной порядочности и верности долгу. С другой стороны, будучи человеком трезвым и расчетливым, убежденным в том, что ничего человеческого людям не должно быть чуждо, Рузвельт в полной мере распространял эту максиму на самого себя. Это касалось и его личной жизни, взаимоотношений с женой и другими женщинами, но прежде всего большой государственной политики. В этой ипостаси Рузвельт оказывался деятелем осторожным, способным выдвигать на первый план практические цели, кратковременные планы, готовым защищать свою власть далеко идущими средствами. Он отлично понимал, что крупные, подчас грандиозные задачи невозможно решить, не снимая белых перчаток, используя только прошедшие моральную апробацию

средства. Протестантский идеализм, сентиментальная вера в добро и справедливость уживались в этом человеке с личным и национальным эгоизмом, холодной расчетливостью и готовностью идти на немалые жертвы во имя того, чтобы не допустить большего зла. Д. Бернс писал: «Он мог быть смелым и осторожным, простым в обращении и сановитым, изысканно вежливым и почти грубым, импульсивным и выжидающим, маккиавеллистски циничным и морализирующим».

В американском общественно-политическом мировоззрении источниками взглядов и практических действий Рузвельта являлись идеи реформаторства, унаследованные им от Теодора Рузвельта и Вудро Вильсона. Их важнейшими элементами были: свободное предпринимательство с осторожным контролем и регулированием государства, не исключая крутых административных мер при кризисных ситуациях и войнах; модернизация государственных учреждений, чтобы они из «ночного сторожа» превратились в мощный комплекс, обеспечивающий стабильность социальных отношений и предотвращение взрывоопасных ситуаций; поддержание классового мира путем достижения взаимоприемлемого компромисса между конфликтующими сторонами: между рабочими организациями и предпринимателями, между фермерами и частными закупочными фирмами и т. д.; уверенность в том, что каждый американец заслуживает уровня жизни не ниже прожиточного минимума, и готовность использовать для ее реализации государственные рычаги; активная внешняя, общемировая политика, укрепление позиций США на международной арене путем материальной помощи и политического содействия прогрессивным режимам, но не идя на открытую конфронтацию с теми политическими системами, которые считаются отсталыми, агрессивными и даже человеконенавистническими; практицизм и готовность к крутым внутренним и международным поворотам в случаях неудачи прежних действий или резкого изменения обстановки; соблюдение баланса, системы сдержек и противовесов во взаимоотношениях законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти — и в то же время осторожное, а в критических случаях и жесткое воздействие на законодательную и особенно судебную власть, политическое манипулирование для достижения поставленных целей.

Рузвельт стремился создать свой собственный политический портрет. Еще до избрания на президентский пост и в особенно-

сти став главой государства, он был озабочен тем, как его будут воспринимать и современники, и потомки, особенно рядовые граждане Соединенных Штатов. Как правило, он тщательно продумывал свои многочисленные заявления — послания конгрессу, выступления на пресс-конференциях и по радио, — стараясь произвести самое благоприятное впечатление на зрителей и слушателей, чтобы его краткие, простые и ясные высказывания хорошо запоминались и передавались из уст в уста, становясь афоризмами.

Проницательный немецкий писатель Томас Манн, эмигрировавший в США и принятый Рузвельтом в январе 1941 года, тонко подметил его черты: «Трудно охарактеризовать эту смесь хитрости, солнечности, избалованности, кокетства и честной веры... На нем какая-то печать благодати, и я привязался к нему как к прирожденному, на мой взгляд, противнику того, что должно пасть (то есть нацизма. — Г. Ч.)».

Оценивая воздействие Рузвельта, его политики на современный мир, Р. Дженкинс заключает: «С позиций длительной перспективы полностью ясно, что члены “большой тройки” периода Второй мировой войны заняли совершенно различные места в истории. Мир, в котором мы живем, — это не мир Черчилля, британская империя которого исчезла, это не мир Сталина с его Советским Союзом, оставшимся только в памяти людей... Мир, в котором мы живем, — это мир Франклина Рузвельта, более фрагментированный, более перенаселенный, обладающий революционными средствами вооружения и коммуникаций, опасный по-иному, но в основном узнаваемый в своих хороших и дурных чертах». При некотором упрощенчестве и противоречивости этого мнения можно согласиться с ним в главном — Франклин Рузвельт своими решениями и действиями оказал настолько долговременное воздействие на развитие не только Соединенных Штатов, но и мира в целом, что это влияние, осязаемое и в наши дни, в значительной степени определило тенденции развития человечества на протяжении всех лет, прошедших после его смерти.

Проводя свой «Новый курс», а затем возглавляя страну в условиях тяжелейшей в истории человечества войны, предохранив США от ее ужасов, сполна испытанных другими народами, и использовав военные годы для бурного развития, Рузвельт применял чрезвычайные меры. Он значительно усилил влияние исполнительной власти в ущерб законодательной, не гнушался

демагогических приемов, сочетал мужество льва с хитростью лисицы (так называется одна из работ о нем), однако твердо придерживался основных принципов конституционного устройства США, не поддавался соблазну превратить собственную сильную власть в авторитарную. При безусловной размытости границы между тем и другим он всегда находил ту незримую черту, переход за которую мог оказаться пагубным для американской демократии.

Нередко у Рузвельта не было всесторонне продуманной, целенаправленной программы действий, многое приходилось решать впопыхах, на свой страх и риск. Но здравый смысл, политическая интуиция почти никогда ему не изменяли, и в конечном итоге он обычно выходил победителем, по крайней мере в ближайшей перспективе. А какой государственный деятель способен выдержать проверку временем абсолютно всех своих начинаний?

Рузвельт оставил непреходящее наследие, завещав своей стране путь демократического развития и глобального участия в зарубежных делах, которым его преемникам, желали они этого или нет, приходилось следовать, разумеется, с различной долей успеха. В памяти подавляющего большинства потомков он остался одним из самых порядочных и благородных вершителей американской истории.

